

Н. Кононыхин

**БОИ
ЗА СОВЕТСКУЮ
ПРИБАЛТИКУ**

ЭТЛЗ «Политическая Литература»

ESTICA

~~A-40142~~

III exs.

БОИ ЗА СОВЕТСКУЮ ПРИБАЛТИКУ

Н. КОНОНЫХИН

БОИ ЗА СОВЕТСКУЮ
ПРИБАЛТИКУ

ЭГИЗ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ТАЛЛИН 1948

Est.

8290

i 46606361

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой брошюре автор не ставил своей целью дать обобщенное оперативное изложение хода боевых действий советских войск против прибалтийской группировки немцев.

Автору, как участнику наступления в составе II Прибалтийского фронта, хотелось дать краткий очерк о боях и рассказать о скромных героях боев за Советскую Прибалтику, солдатах и офицерах, коммунистах и политических работниках, которые своим умением, мужеством и бесстрашием принудили Курляндскую группировку врага сложить оружие.

Автор

I

В 1944 году товарищ Сталин, выступая с докладом о 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции и анализируя ход военных действий на советско-германском фронте указывал, что «Решающие успехи Красной Армии в этом году и изгнание немцев из пределов советской земли были предрешены рядом сокрушительных ударов наших войск по немецким войскам, начатых еще в январе этого года и развернутых затем в течение всего отчетного года».

Первый удар по врагу был нанесен в январе 1944 года, когда Советская Армия, взломав долговременную оборону немцев под Ленинградом и Новгородом, разгромила отборные немецко-фашистские войска и отбросила их в Прибалтику. Наступившее затем в мае—июне некоторое затишье в боях на северном фланге советско-германского фронта немцы использовали для лихорадочного строительства оборонительных сооружений. Враг добровольно не собирался оставлять Прибалтийские республики и намеревался обороняться здесь самым упорным образом.

Прибалтика нужна была врагу по многим причинам.

Во-первых, оставаясь на берегах Балтийского моря, Германия имела возможность держать в узде своего тог-

дашнего северного союзника — Финляндию. Как только в феврале 1944 года финны сделали робкую попытку выйти из войны, они получили категорическое заверение через Риббентропа, что Прибалтика будет удерживаться немецкими войсками.

Во-вторых, Эстония, Латвия и Литва нужны были немцам как колонии, чтобы систематически грабить народы этих стран, черпая отсюда продовольствие для армии, сырье для военной промышленности. Каждый день десятки эшелонов с хлебом, скотом, мясом и рабами направлялись в Германию. Особенно нуждались немцы в эстонских сланцах, надеясь с помощью их как-то пополнить истощавшиеся запасы горючего в Германии.

В-третьих, Прибалтика нужна была немцам как плацдарм, имеющий важнейшее стратегическое значение. Оборонительные позиции, сложившиеся к началу лета 1944 года гитлеровские генералы называли «балтийским бастионом», который «подобен волнорезу перед восточными границами Германии». Особое значение для немцев имело удержание Эстонии с ее островами — Сааремаа, Хийумаа, Муху. Опираясь на эти острова, немецкий военно-морской флот мог держать под ударом наши морские коммуникации.

Собираясь упорно оборонять Прибалтику, немцы имели в виду и другие далеко идущие цели. В случае, если военное счастье снова повернется к ним, а гитлеровцы даже в 1944 году все еще продолжали надеяться на это, и Германия победит в войне, фашистские главари хотели сделать Прибалтику «составной частью Германской империи» и целиком колонизировать ее, небезызвестный Розенберг утверждал, что «проблема востока состоит в том, чтобы перевести балтийские народы на почву немецкой культуры и подготовить широко задуманные военные границы Германии». Вторя своему патрону — «имперский комиссар» — душитель прибалтийских народов фон-Лозе цинично заявлял: «что эстонцы, латыши и литовцы, недостаточно развиты, чтобы иметь свою государственность».

Немецкое командование в Прибалтике располагало большими силами. Здесь находились 16 и 18 немецкие армии с общим составом около 50 дивизий и бригад и большое количество частей армейского и фронтового значения. Такой мощный состав группировки давал основание немецкому командованию строить расчеты на длительную оборону занимаемых немцами позиций.

Советская Армия сорвала и похоронила эти расчеты. Разгром прибалтийской группировки был в значительной степени облегчен стремительным ударом советских войск в Крыму, на Карельском перешейке и затем на Центральном фронте. Грандиозное наступление Советской Армии в Белоруссии создало благоприятную стратегическую обстановку для освобождения трудящихся Прибалтики от немецкого ига.

В июле-сентябре 1944 года советские войска завязали ожесточенные бои с северной группировкой немецко-фашистских захватчиков. Один за другим развернули наступление четыре наших фронта — Первый, Второй, Третий Прибалтийские и Ленинградский фронты, которыми командовали видные военачальники — генерал армии Баграмян, генерал армии Еременко, генерал армии Маслеников и Маршал Советского Союза Говоров. Перед нашими войсками стояла задача — быстрыми и решительными действиями разгромить прибалтийскую группировку немцев. Важным этапом на пути к осуществлению этой цели явилось наступление войск 1-го Прибалтийского фронта.

Разгромив в конце июня 1944 года витебскую группировку немцев, войска этого фронта стремительно продвигались к южному берегу Рижского залива. Действия этого фронта напоминали собой гигантский плуг, подрезающий немцам одну коммуникацию за другой, постепенно изолируя их от Восточной Пруссии. Когда наметился очевидный успех войск Баграмяна, развернулось наступление 2-го и затем 3-го Прибалтийских фронтов. Войска 2-го Прибалтийского фронта прорвали немецкую

линию обороны севернее и северо-западнее Новосокольников и быстро пошли вперед. В первые два дня наступления войска этого фронта продвинулись на 35 километров и расширили прорыв до 150 километров по фронту. На этом направлении был взят очень важный узел дорог Идрица и поставлен под удар город Опочка.

В начавшемся наступлении этого фронта были свои особенности. Дорожная сеть на этом направлении недостаточно развита. Это в некоторой степени ограничивало наш маневр. На пути к Прибалтике надо было преодолеть ряд серьезных водных рубежей и в первую очередь реку Великая с обрывистыми берегами и далее реки Исса, Синяя и множество крупных и мелких озер. Непосредственно перед Опочкой проходила немецкая оборонительная линия «Рейер», состоявшая из глубоких сплошных траншей и комбинированных проволочных и минных заграждений. В траншеях через каждые 30—40 метров имелись пулеметные площадки, местами дзоты с 4—5 накатами и бронеколпаками. Через 200—300 метров проходила вторая траншея, потом через 500—600 метров от второй — третья. Таким образом, немецкая оборона была глубоко эшелонирована и имела очень развитую сеть различных инженерных заграждений.

На этом рубеже завязались упорные бои. Враг пытался всеми мерами удержать Опочку. Через нее проходила важнейшая, идущая параллельно фронту шоссейная магистраль Остров — Опочка — Невель, питавшая фронт немецких армий. Умелыми действиями бойцов гвардейского соединения у немцев был вырван небольшой участок этой дороги, что привело к изоляции опочкинской группировки с юга. Ударом нашей артиллерии с фронта был прорван оборонительный рубеж, прикрывавший Опочку, и наши войска ворвались на восточные окраины города, но полностью овладеть им не удалось. С его высокой западной части из-за реки Великой немцы вели сильный артиллерийский и минометный огонь. Становилось ясным, что Опочку можно занять только путем обходного маневра. И этот маневр был стремительно осуществлен. Южнее и севернее города была форсирована река Великая. Наши войска

продвигались уже в тылу у немцев и выходили к поселку Красногородское и деревне Мозули, что 40—45 км. западнее Опочки. Только после этого, почувствовав угрозу полного окружения, немцы стали поспешно отходить и 15 июля Опочка была полностью занята нашими войсками.

Бойцы увидели перед собой старинный русский город в дыму и пламени пожаров. Остались только развалины, да обгорелые стены на месте Дома культуры, электростанции, педучилища, кожзавода, двух лесозаводов, прекрасного льнокомбината, больницы. Но всех следов своего хозяйничания немцы не сумели уничтожить. В центре города гитлеровцы разместили полевую жандармерию. Отсюда сотни советских людей исчезли в могилах на Ворыгинском поле за городом, шли и гибли в концлагере. Лагерь размещался на окраине города по Псковскому шоссе. Низкие здания складов обнесены тремя рядами колючей проволоки. Вокруг траншеи, и во дворе пулеметы. Низкие мрачные камеры. Крошечные окна с решетками. На голом цементном полу томились сотни советских людей. Когда наши бойцы и офицеры вошли в лагерь, здесь уже никого не было, но стены камер поведали им жуткую историю жизни лагеря.

Скупые надписи звали к мщению за кровь замученных.

«Идрицкий партизан Пунтус Р. 1923 года, расстрелян». «Партизан Киселев Леонид г. Псков. Застреленная, дом 17 кв. 7 приписка: расстрелян, июнь 1944 год».

«Одного латыша увезли в кампании 25. 4. 44 г.: три человека увезли 26. 4. 44 г. неизвестно куда. Одного оставили — неизвестна судьба».

Приписка: «4 расстреляны 30. 4. 44 г., одному дали 5 лет, только я один еще сижу — неизвестна судьба».

«11. 6. 44 г. 4 часа утра. На расстрел иду, Москва 10, 4 Гороховский проезд, дом 10, кв. 5 Ахмеджанов Костя».

«Здесь сидел партизан из 2-й Калининской бригады Яковлев Владимир Андреевич, рождения 1923 года. Приговорен к расстрелу».

«Алексеев Алексей. Третий Каменский переулоч, Нижний Волочек. Приговорен к казни. Пороли».

«Здесь сидел Михайлов Иван, 1922 года, партизан. 8. 10. 43 г. били. Приговорен к казни».

Арестованные расстреливались в помещении гестапо, где раньше помещалась городская больница. И здесь во дворе было обнаружено еще одно доказательство изуверств немцев — ящик с человеческими костями и черепами.

Жгучая, неугасимая ненависть закипала в сердцах советских воинов. Они рвались на Запад мстить немцам, гнать их прочь из сел и городов Советской Прибалтики.

После взятия Идрицы, Себежа, Опочки удар 2-го Прибалтийского фронта развивался в двух направлениях: главный — на Двинск, вспомогательный — на Резекне.

Наступление шло стремительно. Войска продвигались в день по 20—25 км. Наносились систематические удары в сторону флангов и, таким образом, все время расширялась ширина прорыва немецкого фронта. Немецкое командование лишалось возможности использовать свои резервы на нужных направлениях. Враг нес большие потери. Только за пять дней наступательных боев немцы потеряли 10.000 убитыми и ранеными и большое количество боевой техники.

В основе стремительного наступления войск 2-го Прибалтийского фронта лежали глубокие причины.

Удар по немецкой обороне наносился одновременно в нескольких направлениях, немцы не знали, где главное направление нашего удара, поэтому не могли маневрировать своими резервами. Советские войска хорошо были подготовлены к наступательным боям, бойцы и офицеры знали свои задачи, в штабах соединений операция была тщательно спланирована по этапам, умело построены боевые порядки, которые позволяли нашему командованию непрерывно наращивать удары по врагу.

Наши войска смело маневрировали на поле боя. Обходили немцев с флангов, заходили им в тыл, сбивали их с дорог в леса и болота.

И, наконец, одна из главнейших причин успешно развернувшегося наступления лежала в высоком наступательном порыве солдат, в их отваге и мастерстве, в стремлении быстрее очистить советскую землю от немецких захватчиков. Поэтому каждый бой рождал героев наступления, их громкая слава быстро разносилась по всему фронту. Личный пример отваги и бесстрашия подавали коммунисты. Их призывы к атаке, как искра воспламеняла сердца воинов, увлекая вперед, зовя на подвиг во имя нашей победы. Вот несколько примеров, а таких примеров можно привести тысячи.

Группа солдат под командованием коммунистов гвардии сержантов Охметгалина и Сыроежкина, проникла во вражеский тыл, захватила высоту, контролирующую перекресток дорог, по которому отходили немцы, и не пропустила врага. Одиннадцать героев отразили несколько вражеских атак, уничтожили более 200 гитлеровцев и перепутали все планы немцев на этом участке.

А каким богатырем показал себя комсомолец сержант Гаврилов.

В шутку о нем говорили: «Сокол мал, да удал». Однажды он вызвался уничтожить немецкий станковый пулемет, забрался во вражеский тыл и забросал расчет гранатами. Расчет был уничтожен. На другой день сержант Гаврилов заменил раненого командира взвода, овладел со взводом в течение 20 минут деревней, не задержался в ней, вышел на шоссе и закрепился на нем, отбив три контратаки немцев и уничтожив 132 немецких солдата и офицера. Пример Гаврилова — яркое подтверждение русской пословицы: «Один воин — тысячу водит».

От немецких дивизий и полков, разгромленных перед Идрицей и Опочкой остались разрозненные группы, которые разбрелись по лесам и пытались нападать на тылы наших войск.

Был однажды такой случай. Гвардии сержант Селяев, после ремонта пушки, догонял свой дивизион. Вдруг впереди раздалась пулеметные и автоматные очереди. Как потом оказалось, остатки разбитого немецкого батальо-

на вышли из лесу и перехватили дорогу. Немцы были совсем блико.

— Орудие к бою! — скомандовал Селяев.

Расчет быстро развернул пушку на прямую наводку. Первый снаряд угодил прямо в гущу немцев. За ним второй, третий, 40 минут продолжался этот поединок. Селяев вышел победителем. Более сотни трупов немцы оставили на дороге, оставшиеся в живых снова разбежались по лесам.

По шоссе на Красногородское немцы напали на наш саперный батальон гвардии майора Писаревского, работавший на фронтовой дороге. Завязался бой. Саперы истребили до 150 немцев и свыше 100 захватили в плен, в том числе 4 офицера. Оставшаяся часть группы в количестве до двухсот человек, убежала в лес и была выловлена на другой день. Разгромленная и плененная группа немцев оказалась остатками 32 полка 350 пехотной дивизии «СС». Среди трупов был обнаружен командир полка — немецкий подполковник Апперат.

Равняясь на героев, непрерывно ведя разведку, маневрируя на поле боя и улучшая взаимодействие, советские войска быстро шли вперед.

20 июля подвижные отряды вступили в пределы Советской Латвии. Население с непередаваемой искренней радостью встречало своих освободителей. Стихийно возникали митинги. Бойцов и офицеров зазывали в хутора и потчивали, как самых близких, дорогих гостей.

Население рассказывало, как много пришлось пережить трудящимся крестьянам Прибалтийских республик в черное трехлетие немецкой оккупации. Советская власть дала беднякам и батракам землю, но пришли немцы и отняли ее обратно, обложили крестьян непосильными налогами. Среди крестьян шел разговор, что скоро придется платить налог за собак и кошек.

Но тяжелые налоги не ограничили волчьих appetитов немцев. У крестьян отбирался скот, хлеб без всякого повода. Гитлеровцы хозяйничали в Прибалтике, как в своей колонии.

Наступление советских войск в Прибалтике развивалось бурно и стремительно.

Прорвав немецкую оборонительную линию «пантера», советские воины устремились вперед на запад, на освобождение трудящихся Прибалтийских республик от немецких захватчиков.

Вот почему вступление Советской Армии в Прибалтику было встречено радостным ликованием трудящихся эстонцев, латышей и литовцев.

В освобожденных хуторах и волостях немедленно устанавливались органы советской власти. И первый вопрос возникал о земле. Представители Советской Армии разъясняли, что, отнятая немцами земля снова будет возвращена трудящимся крестьянам. Вокруг советских офицеров собирались толпы людей, с жадностью слушавшие горячее правдивое слово об исторических победах Советской Армии, о мероприятиях советского правительства по восстановлению хозяйства районов, пострадавших от немецкой оккупации.

Ломая сопротивление немцев, наши войска быстро продвигались в глубь Прибалтики. 27 июля в Латвии были взяты важные узлы коммуникаций и крупные опорные пункты врага Двинск и Резекне. Овладев этими городами, войска 2-го Прибалтийского фронта продолжали наступление на северо-запад вдоль реки Западная Двина и на запад — на Мадону. На этом направлении перед войсками стояла очень серьезная естественная преграда — Лубанская низменность. На этой гнилой местности, протянувшейся на десятки километров, раньше считалось невозможным вести боевые действия, тем более крупными соединениями с современной боевой техникой.

Еще от Лудзы и Карсавы войска начали как бы медленный спуск вниз. Все чаще стали попадаться мшистые, заболоченные участки. Порывистый ветер доносил прелый запах стоячей воды. Войска приближались к низменным, болотистым местам.

К северо-западу от Резекне находится огромное озеро Лубана. Вокруг него — множество озер и мелких речек. Из Лубаны вытекает многоводная река Айвиэксте с топкими берегами. А вокруг — озер и рек на десятки километров — большие массивы заболоченных лесов, где порой не ступала нога человека. Просто пройти эти леса представляло немало трудностей, но надо было пройти их с боями и провести сложную боевую технику.

Немцы рассчитывали, что на этом рубеже им удастся задержать наступление и поэтому лихорадочно строили различные оборонительные сооружения. На всех маломальски проходимых тропках были сооружены лесные завалы, а подступы к ним сильно минированы. Вдоль всего западного берега Айвиэксте тянулась сплошная линия траншей полного профиля с подготовленными артиллерийскими позициями. Наконец, немцы спешно вели земляные работы, намереваясь использовать систему здешних рек и затопить все дно низменности.

Оборонять только северную половину низменности враг поставил большие силы: 218 и 19 пехотные дивизии, два строительного-инженерных батальона и охранный полк «СС», который здесь вел борьбу с партизанами и хорошо

изучил места на низменности. В приказе, попавшем в наши руки, всем этим частям предлагалось сражаться не щадя сил, и преградить нашим войскам путь на запад.

Форсирование низменности выпало на долю Н-ского гвардейского соединения. Вражеские опорные пункты были здесь всюду, где могли пройти советские солдаты. Итти прямо на них значило пролить немало крови. Был дан приказ обходить опорные пункты врага. А это означало пробираться такими местами, которые немцы считали совершенно непроходимыми и охраняли слабее или вовсе не охраняли. Нелегко найти эти лазейки и проходы, да еще провести войска. Главная роль отводилась разведке. Разведчики своевременно обнаруживали опорные пункты врага, его заслоны и засады, находили наиболее верные пути вперед.

Умело и отважно действовала в разведке группа Романчука. Однажды ей было поручено разведать путь в глубь большого леса. Романчук действовал руководясь Боевым Уставом. Вперед он послал дозорными бойцов Колобова и Белоконь, а по сторонам Вагина и Холопова. Группа шла осторожно и бесшумно. Каждый боец продвигался от куста к кусту, от дерева к дереву, напрягая слух и зрение. Перед выходами на опушку леса разведчики заметили на небольшой высоте свежий бугор земли. Разведчики залегли и стали ползти к опушке. Присмотревшись внимательно, обнаружили у немцев станковый пулемет и двух автоматчиков. У Романчука возникла мысль: по характеру занимаемой позиции у врага должны быть здесь большие огневые средства. И командир группы разведчиков принял решение — рассредоточится, создать о себе впечатление, как о большой группе и открыть огонь. Затрещали автоматные очереди. Действия разведчиков ошеломили немцев. Перепуганные они ввели в бой все огневые средства, которые здесь были — три пулемета, до десяти автоматов и даже пушку.

О результатах разведки Романчук немедленно доложил в свое подразделение и засада немцев была разгромлена. Умело действовала и другая группа разведчиков гвардии старшины Чичеткина. Больше бдительности — это был

ее боевой девиз. Она всегда тщательно разведывала изгибы дорог, высоты, опушки леса. Однажды был такой случай. Выйдя из лесу, разведчики увидели на склоне высоты людей в форме советских солдат. Они спокойно отрывали окопы. Можно было подумать, — что какая-то группа гвардейцев уже заняла высоту. Но наши не забыли о бдительности. Двое бойцов выдвинулись вперед и окликнули людей с лопатами, а те вдруг начали стрелять и бросать гранаты. Завязалась перестрелка. Разведчики выяснили огневые средства противника, а также установили как построена оборона врага на этом рубеже, где находятся проволочные заграждения, траншеи и окопы, наблюдательный пункт. Донесение Чичеткина сослужило большую службу. Опорный пункт был разгромлен.

Разведчики частенько пробирались в тыл врага. Ходили по таким тропам, где и зверю не пройти. Одна наша группа пробралась в тыл с радиостанцией. Разведчики остановились в полукилометре от дороги, по которой двигались колонны немцев и вражеской техники, развернув радиостанцию, гвардии старшина Новиков сообщил командиру место своего расположения и обстановку: через несколько минут поступил приказ: корректировать огонь артиллерии. Недалеко от дороги раздался один взрыв, другой. Разведчики передали поправки. Через несколько секунд наша батарея открыла точный, сокрушительный огонь по дороге. Снаряды разносили в щепки машины, повозки, косили разбежавшихся в панике немцев.

Так действовали герои-разведчики. Вместе с разведчиками, вслед за ними, шли саперы — великие труженики войны. Перед саперами стояла задача — неустанно расчищать и прокладывать пути пехоте. За дни боев в низменности многие саперы прославили свое имя громкой славой. Вот эти имена. Гвардеец сапер Цуканов. В одном месте пехотинцы остановились у большого заминированного завала. Искать мины в завале чрезвычайно опасно: тронешь ветку — взрыв. Но Цуканов и его товарищи, презирая опасность, начали разминирование. Они работали самоотверженно. Путь был расчищен. Пехота пошла вперед. Новые преграды на пути — речка. Мост взорван.

Невдалеке разведали брод. Но только было пошел один — раздался взрыв. Тогда Цуканов вошел в реку. Он работал в воде и мину за миной извлекал со дна реки. Брод был разминирован. Генерал, присутствовавший здесь, с гордостью наблюдал за работой Цуканова, пожал ему руку и приказал представить к правительственной награде.

А сколько труда положено на прокладывание путей через Лубанскую низменность, по которым шел транспорт и артиллерия, сколько саперы перекопали земли? Не счесть.

Действия пехоты на Лубанской низменности — изумительный пример ее боеспособности, умения самоотверженно преодолевать любые трудности и преграды.

Пехотинцы действовали небольшими группами. Эти группы обходили немцев с флангов, проникали в его тылы, совершали внезапные налеты. Внезапность, стремительность, дерзость, бесстрашие — вот, что характерно для действия большинства этих групп.

Вот пример: бойцы гвардии старшего лейтенанта Аникеева, обойдя немцев с фланга, оседлали дорогу. Вскоре за обладание дорогой разгорелся жестокий бой. Два раза немцы бросались в контратаку. Безрезультатно. Подтянув свежие силы, немцы пошли в третий раз. Им удалось несколько потеснить гвардейцев. Но в тылу у них замаскировавшись в кустах, остался гвардии старшина Полосухин со станковым пулеметом и гвардии старшина Савельев — с ручным. Через некоторое время эти два героя открыли меткий огонь, более ста немцев полегло у дороги.

Неотступно от пехоты следовали артиллеристы. Трудно было им поддерживать пехоту на низменности. Всюду непроходимые леса. Почти не было площадок, где бы можно было оборудовать артиллерийские позиции. Приходилось выбирать болотные участки, и с этих участков вести огонь по немцам. Но всякий раз, когда необходима была помощь артиллеристов, она оказывалась быстро и своевременно.

Героев боев на низменности сотни. Они еще раз доказали, что русская воинская доблесть — неиссякаемая сила, способна совершать чудеса. Десять дней шли гвардейцы через Лубанские болота. Шли, очищая пути от мин, прорубая леса, разбирая завалы, настилая дороги, строя мосты и переходы. Очень часто шли по пояс в воде, тине, волоча за собой не только снаряжение, но пулеметы, минометы и небольшие орудия. Немцы израсходовали сотни тонн тола, тысячи снарядов и мин, миллионы пуль, чтобы остановить гвардейцев. Отчаянное положение врага, заставляло его идти на самые крайние средства. Случалось, что немцы на пути гвардейцев зажигали леса. Но тщетно! Низменность была преодолена. Войска подходили к реке Айвиэксте, которая как бы отделяет Лубанскую низменность от Видземской возвышенности. Предполагалось, что немцы, опираясь на подготовительный оборонительный рубеж, проходивший по западному берегу реки, попытаются привести себя в порядок и сделают новое усилие, чтобы остановить наше наступление.

Дни и ночи работали наши штабы. Изучался режим реки, исследовались возможные переправы, отмечались участки, на правом берегу, где в первую очередь надо было захватить плацдармы. Было известно, что перед самой войной река была углублена. Значит на броды нельзя было рассчитывать.

Когда немцы еще держали восточный берег, наши разведчики пробирались к реке, определяли места, выгодные для переправы, изучали характер местности, действующие мосты и паромы, высматривали наиболее скрытые подступы к реке. Материалы разведки изучались в штабах, на основе их делались выводы. А выводы были таковы — немцы лихорадочно укрепляют правый берег. Надо было сорвать их планы. Быстрее переправиться через реку и гнать их дальше.

На одном из участков первым начал бой батальон под командованием гвардии майора Черникова. Перед фронтом батальона была высота. На ней закрепились немцы, прикрывая выход к реке Айвиэксте. Батальону Черникова

Герой боев с Курляндской группировкой немцев и любимый вожак молодых воинов гвардии сержант Анатолий Синецын.

ва командир полка приказал овладеть высотой, преследовать немцев до реки, форсировать ее, создать плацдарм и держать его до подхода основных сил. Вечером завязался бой за высоту. Немцы, хорошо укрепившиеся на высоте, встретили бойцов густым ружейно-пулеметным огнем. Итти только в лоб, трудно, много жертв. Черников создал две штурмовые группы, направив их для действий с флангов. И когда эти группы достигли определенного пункта, Черников поднял своих бойцов для атаки высоты с фронта. С пистолетом в руке он поднялся во весь рост и крикнул: «Орлы! Вперед!». И как мгновенный порыв ветра бойцы рванулись вперед. Короткий удар... и немцы были опрокинуты и высота взята. Но на этом бой не кончился. Сразу же за высотой немцы оказали новое яростное сопротивление. Командир полка, напряженно следивший за действиями Черникова, получал донесения по радио: «Отбиваю контратаки». «Иду вперед». И снова: «Отбиваю контратаки».

Батальон Черникова вырвался вперед на восемь километров и он был вынужден, наступая при открытых флангах, отбиваться от немцев со всех сторон. И когда удалось вырваться к реке на него ударили с тыла, справа и слева. Яростный огонь обрушился и с противоположного берега. И как мастерски надо было управлять батальоном, какую надо иметь силу воли, чтобы в этом круговороте боя удержать инициативу, вселить свою волю во всех бойцов, отражать удары врага, бить, гнать и гнать. Черников оказался на высоте положения. Немцы зашли с тыла, он отразил удар, бросив взвод уничтожить напавшую группу. И тут же прикрыл фланги. Немцы ударили фронтальным огнем с того берега, Черников ответил огнем своих фронтовых пулеметов и двух пушек. Ведя огневой бой, Черников не упустил подходящего момента и начал переправу.

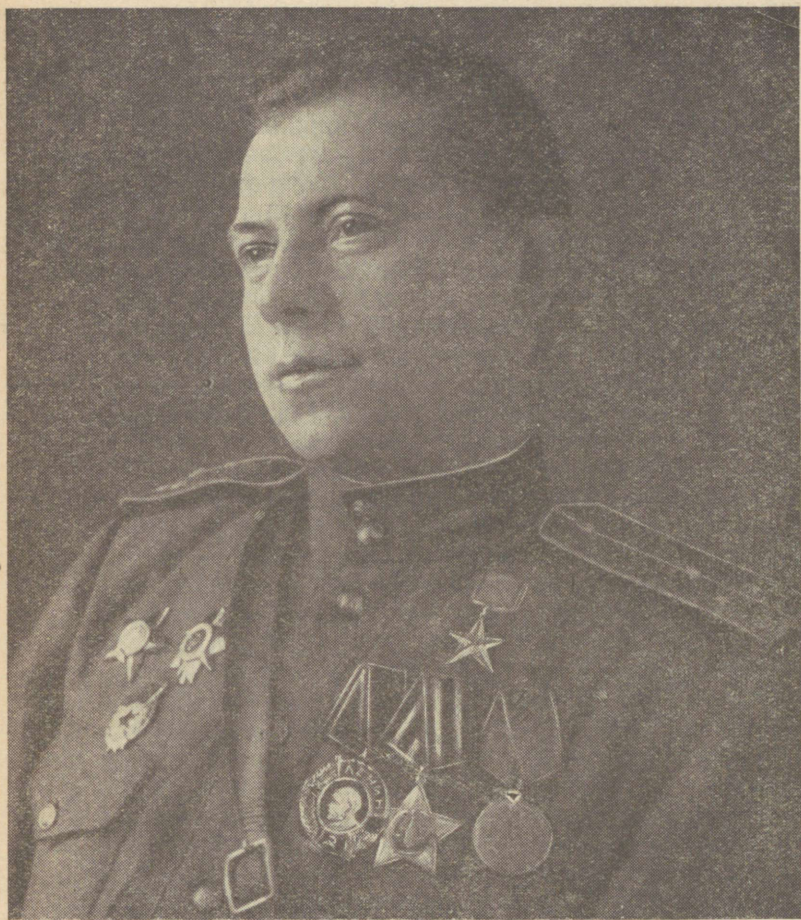
Исключительную смелость и находчивость показали в этом бою комсомольцы батальона — младший лейтенант Акрам Валиев, гвардии сержант Иосиф Денисов, гвардии рядовой Анатолий Синицын и другие. В критический момент боя своей дерзостью, умением, храбростью и отва-

Герой Советского Союза гвардии лейтенант Акрам Валиев. Четыре года он сражался за любимую отчизну, не щадя ни сил, ни крови своей. Особенно выдающийся подвиг совершил Валиев в боях за Прибалтику при форсировании реки Айвиэксте.

гой они положили начало победному завершению операции по форсированию Айвиэкста. Как только батальон пробился к реке, его командир Черников указал Валиеву на две лодки, оставленные немцами у противоположного берега. Валиев сразу понял свою задачу. Он мгновенно снял сапоги и гимнастерку и бросился в воду. Весь батальон увидел в волнах черноволосую голову Валиева. Он плыл ловко, быстро. Но ему было нелегко продвигаться к цели. Брюки, надувшиеся пузырями, сплетали ноги, тянула вниз граната, упрятанная в карман, а шею до боли резал ремень пистолета-пулемета. Но уже на середине реки Айвиэксте Валиев понял, что нельзя взять лодки, если не разобьешь хлеставший по воде с бруствера немецкий пулемет. Граната, с таким трудом переправленная через реку, оказалась очень кстати. Ловко и умело брошенная, она разнесла немецких пулеметчиков. Следуя примеру Валиева, бойцы спускались в воду, ловили бревна, обломки взорванного немцами моста, бочки, доски, отталкивались от берега и плыли туда, где был их бесстрашный комсорг батальона Валиев. И когда первые из них гвардии рядовой комсомолец Анатолий Синицын, коммунист гвардии капитан Винокуров и другие смельчаки достигли берега и вступили в бой, Валиев бросился к лодке. Он гребя руками гнал лодку на восточный берег. На берегу он передал эту лодку гвардии сержанту Иосифу Денисову, который умел грести, а сам поплыл за другой. Вскоре и другая лодка с бойцами пошла на западный берег. У бойцов не было весел, они гребли руками. И рядом в воде плыл Акрам Валиев толкая лодку вперед.

Батальон переправлялся под огнем. Лодки, пробитые пулями, заливало. Бойцы вычерпывали воду руками, пилотками и гребли, гребли. Рвались снаряды, мины, вздымая высокие фонтаны, вода кипела. И кажется не было сил преодолеть этот маленький участок клокочущего пространства, но бойцы бросались в воду, плыли и, как только достигали берега, вступали в бой. «Флотилия» Валиева проделала 6 рейсов туда и обратно, переправив основные силы батальона. Черников создал плацдарм километр по фронту и в глубину и долго на этом маленьком

В войсках широко известны боевые подвиги мастера пулеметного огня, гвардии лейтенанта Александра Дятлова. Сотни километров прошел со своими пулеметчиками в боях за освобождение Прибалтийских Республик.

Президиум Верховного Совета СССР, за мужество, доблесть и героизм присвоил гвардии лейтенанту Дятлову звание Героя Советского Союза.

участке земли шел кровопролитный бой. Здесь не было места, где бы ни пролетала пуля, ни свистел осколок. Казалось, порой, что здесь нет батальона гвардейской пехоты, но каждый раз, когда в наушниках радио звучал голос командира полка, Черников отвечал: «Стою» и каждый раз, когда немцы бросались в контратаку, оживал кусочек земли. Поредевший батальон боролся и выстоял.

Не менее интересные события развернулись на другом участке фронта, несколько километров севернее, действовавшего батальона Черникова. Здесь был расположен полк гвардии подполковника Третьяка. Громкая слава по всему фронту шла о храбрых воинах этого полка и их бесстрашном командире. Его удары были внезапны и стремительны. Бойцам Третьяка всегда сопутствовала удача. Их командир развивал у своих подчиненных русскую сметку, инициативу и беспредельную храбрость.

Полк тоже готовился к форсированию Айвиэксте. Вечером пятого августа 1944 года, когда над землей стали сгущаться сумерки, бойцы Третьяка выследили, что немцы небольшими группами переправляются на лодках на западный берег. О замеченном быстро доложили Третьяку. Командир полка никогда не заставлял долго ждать его решения. В его голове быстро созрела мысль — воспользоваться сумерками вечера и начать переправу. Первые группы бойцов бесшумно садятся в лодки и плывут на противоположный берег. А почти рядом с ними в каких-то 200 метрах продолжали переправляться немцы. Они видели белый всплеск воды и силуэты лодок. Но им было невдомек, что рядом плыли советские солдаты. Лодки непрерывно курсировали, переправлялись все новые и новые группы бойцов. Лодок мало, всех перевезти невозможно. Солдаты рядом плыли на бревнах, досках, плотках. Пулеметчик Дятлов для своего «Максима» сколотил небольшой плотик. Сам в воде, а плот толкал рукой. И как только солдат касался земли, сразу зарывался в нее, выбить его было уже невозможно. К утру весь полк Третьяка переправился на западный берег, и нанес ошеломляющий удар по немцам. Своими умелыми и бес-

страшными действиями бойцы подполковника Третьяка и гвардии майора Черникова открыли главным силам путь вперед.

Родина по заслугам оценила гвардейцев-храбрецов. Герои боев на реке Айвиэсте гвардии подполковник Иван Третьяк, гвардии майор Андрей Черников, гвардии лейтенант Акрам Валиев, гвардии лейтенант Александр Дятлов, гвардии сержант Иосиф Денисов удостоены звания Героя Советского Союза. Успешным форсированием реки Айвиэсте был завершён труднейший переход через Лубанскую низменность.

Гвардейцы, быстро и решительно преодолевшие эту серьёзную естественную преграду, совершили выдающийся воинский подвиг.

Переправившись через Айвиэсте наши войска начали подниматься на Видземскую возвышенность, которая прикрывает Рижский залив и город Ригу с востока и северо-востока. Первым сильным опорным пунктом врага на возвышенности являлся город Мадона. За овладение им развернулись ожесточенные бои. Гвардейцы нанесли удар по немцам севернее Мадоны и взломали здесь оборону противника. Были перерезаны шоссейная и железная дороги Цесвайне — Мадона. Таким образом, эти два узла сопротивления немцев были разобщены. Затем сильным ударом с юго-запада город был взят.

С падением Мадоны для войск 2-го Прибалтийского фронта открывался прямой путь на Ригу. Успешно шло наступление и других фронтов, громивших прибалтийскую группировку немцев. Были заняты города: Шауляй, Иелгава, Тукумс, Валга, Тарту. Этим самым советские войска подготовили условия для полного разгрома немецкой группировки и отсечения ее от Восточной Пруссии.

Чтобы спасти свое отчаянное положение, немцы развернули свое наступление на Шауляй и Иелгаву, бросив сюда танки. Противник намеревался обломать наш мощный клин своим острием, направленный к Рижскому заливу и отрезавший немцев от Восточной Пруссии.

С большим ожесточением развернулись бои западнее и

северо-западнее Иелгавы. Немцам нужен был этот важный стратегический пункт. На нем был сосредоточен удар вражеских танков и артиллерии. На отдельных участках противник бросал в атаку одновременно до 400 танков. Бои носили исключительно ожесточенный характер. Более десяти дней бушевал здесь шквал огня и стали. Город чадил в развалинах, но остался в руках советских войск. За короткий срок немцы потеряли здесь до 650 своих танков.

Враг, понеся огромные потери в людях и технике, выдохся и прекратил свои атаки, добившись лишь незначительных местных успехов. Немцы взяли Тукумс, получив небольшую отдушину вдоль берега Рижского залива. Но это не изменило общей, невыгодной для врага, обстановки.

В этих условиях во второй половине сентября началось бурное наступление войск Ленинградского фронта в Эстонии.

Войска фронта прорвали сильно укрепленную оборону противника севернее Тарту и за четыре дня наступательных боев продвинулись вперед до 70 километров и расширили прорыв до 120 км. по фронту. Через четыре дня вся страна уже праздновала освобождение столицы Эстонской ССР — города Таллина. Решительно ломая сопротивление врага, воины-ленинградцы путь в 225 километров до Таллина прошли за четыре дня. 22 сентября был освобожден Таллин. 23 сентября Пярну и Вильянди, 25 сентября Хаапсалу, 27 сентября остров Вормси-Саар. За десять дней в основном было завершено освобождение материка Советской Эстонии. Немцы понесли в Эстонии большие потери — 45.745 солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными. Наши бойцы, офицеры и генералы в боях за освобождение Советской Эстонии показали свое военное мастерство, искусство бить врага быстро, стремительно, смело маневрировать на поле боя.

Немцы, конечно, ожидали наступления Ленинградского фронта, но думали, что оно начнется от Нарвы. Однако главный удар был нанесен с другого направления, из рай-

она севернее Тарту. Чтобы осуществить это, командование Ленинградского фронта за несколько дней перебросило от Нарвы крупные силы. Войска были переправлены через Чудское озеро, сосредоточены скрытно и быстро. Немецкие войска здесь были разгромлены и в беспорядке стали отходить.

Операция войск Ленинградского фронта проводилась в тесном взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом, который блокировал порты Финского и Рижского заливов и наносил удары по морским коммуникациям противника. 24 сентября корабли и части Балтийского флота провели блестящую операцию по овладению Палдиски.

Используя успех Ленинградского фронта, войска Баграмяна, совершив искусный и быстрый маневр, развернули наступление из района северо-западнее и юго-западнее Шауляй. Они прорвали немецкую оборону и стремительно рванулись к морю. 10 октября 1944 года Советская Армия вышла на побережье Балтики южнее города Либавы, заняв при этом город Паланга. Выход немцам из Прибалтики был захлопнут. Одновременно велось наступление войск 2-го и 3-го Прибалтийского фронтов на Ригу. Ведя наступление с севера и северо-востока, они прорвали ряд сильно укрепленных оборонительных рубежей, опоясавших город и 13 октября штурмом овладели Ригой — столицей Советской Латвии и портом на Балтийском море.

Так завершился восьмой удар наших войск в Прибалтике. «В результате этого удара: а) была освобождена Эстонская советская республика; б) была освобождена большая часть Латвийской советской республики; в) была выведена из строя союзница Германии — Финляндия, которая объявила войну Германии; г) более 30 немецких дивизий оказались отрезанными от Пруссии и зажатыми в клещи в районе между Тукумсом и Либавой...» (Сталин).

III

Нелегким был путь по Прибалтике. Если его окинуть взором, то почти на тысячекилометровом фронте советские войска за три месяца наступления прошли по прямой от 400 до 500 км. И как прошли? Каждый клочок земли брался с боем и за каждый метр приходилось платить кровью. На пути к Балтийскому морю только одному нашему гвардейскому соединению пришлось преодолеть Лубанскую низменность, форсировать 16 рек, множество дремучих лесных массивов, озер и болот. Это потребовало не только огромного напряжения физических сил бойца, но и высоких моральных его качеств, в основе которых лежит великая любовь к народу, к своей Родине, к партии Ленина—Сталина. Эти моральные качества воспитывала у советских солдат великая большевистская партия и ее вождь товарищ Сталин.

В Отечественной войне наши воины показали беспримерный героизм и готовность к самопожертвованию. Героизм у нас был массовым явлением. В любую минуту советский солдат, движимый чувством патриотизма, по зову партии, презирая смерть, шел в атаку, бился с врагом до последней капли крови.

Кто воспитывал советских воинов в духе беспредельной преданности Родине, в духе бесстрашия и смелости, кто влил в них богатырскую силу? Эту силу дала им большевистская партия, являющаяся направляющей и организующей силой в Советском государстве. Какой бы трудный и сложный бой ни был, в центре его — коммунисты, люди бесстрашного сердца и высокого долга. Усталость точно никогда, не сопутствует им, высокая идейность, вера в победу, в своего великого вождя товарища Сталина как бы окрыляла их и делала богатырями.

Теперь, после того, как мы прожили два с лишним года после победы, и, когда ее великое значение становится все более осознаннее и реальнее мы еще раз осознаем, что без руководства коммунистической партии, советский народ не одержал бы победы над фашистской

Германией. Бесстрашное и проникновенное руководство большевистской партии являлось той великой силой, которая двигала нас вперед, вдохновляла на победу.

На предыдущих страницах мы вспоминали о выдающихся подвигах гвардии подполковника Третьяка, гвардии майора Черникова, гвардии лейтенанта Акрама Валиева, пулеметчика Дятлова, Иосифа Денисова. Это коммунисты и комсомольцы. Вдохновляемые идеями партии Ленина—Сталина они показали богатырскую силу и совершили изумительные подвиги.

Как только началась Великая отечественная война, большевистская партия послала в ряды Советской Армии лучших своих сынов. Они влились в солдатские массы, пополнили офицерские кадры и кадры политических работников и еще более закалили армию, сделав ее подобно крепчайшей стали.

Сила нашей партии в безграничном доверии к ней народа, солдатских масс. Во время боев, чем напряженнее была обстановка, тем ближе коммунисты были к солдатам и офицерам, тем крепче были их связи с массами. Ряды партии непрерывно пополнялись самыми лучшими храбрыми и бесстрашными воинами. В минуту смертельной опасности, идя в бой с лютым врагом, солдат садился на землю и огрызком карандаша писал заявление о приеме в партию.

Когда гвардейцы вели труднейшие бои на Лубанской низменности — командир пулеметного взвода гвардии лейтенант Крамшенков Михаил Петрович подал заявление о приеме его кандидатом в члены ВКП(б). В заявлении Крамшенков писал о своем желании быть в рядах партии, и если потребуется, отдать за партию свою жизнь. Крамшенков был принят кандидатом в члены ВКП(б). На второй день разгорелся бой, в котором молодой офицер действовал умело и отважно. Его пулеметный взвод отразил несколько вражеских контратак и уничтожил до 60 фашистов. В бою Крамшенков был ранен, это было его четвертое ранение за время Отечественной войны. Рана была серьезной, но коммунист остал-

ся в строю и дрался с немцами до последнего вздоха. В кармане Крамшенкова были две открытки: одна, тому, кто найдет, и другая любимой девушке. В письме, адресованном своим боевым друзьям, он писал: «Дорогие товарищи! Кто найдет эту открытку, прошу отослать ее по указанному адресу. Сам я иду в бой бить фашистских зверей, так, чтобы их не осталось ни одного на нашей священной земле. Пусть я погибну, но Родина будет жить вечно и не забудет меня. Умирая я хочу быть только коммунистом. Вперед, товарищи, на разгром немецких захватчиков!».

На смену павшим героям в партийные организации подавали заявления новые и новые герои боев, желающие связать свою жизнь с партией. Многие мечтали о вступлении в партию имели давно, но считали себя недостаточно подготовленными к тому, чтобы сделать этот важный шаг. Гвардии старшина Кирсанов воевал с немцами еще в первую мировую войну. Встал он в ряды защитников Родины и в годы Отечественной войны. Семь ран получил, и как он сам говорил: «На войне убедился — не хуже молодых воюю». Кирсанов был принят кандидатом в члены ВКП(б). Кирсановых тысячи, вступивших в партию за годы Великой отечественной войны.

Партийно-политический аппарат в дни наступления в Прибалтике работал напряженно. Наступление выдвигало перед политработниками все новые и новые вопросы, которые надо было решать незамедлительно. Нужно было разъяснять особенности нашего наступления. Оно развивалось бурно и стремительно. Бои были скоротечными, требовали особой тактики, и коммунисты разъясняли бойцам эту тактику, требовали стойко переносить трудности, связанные с быстрым продвижением вперед, призывали к новому напряжению сил, к наращиванию наступательного порыва.

Каким образом партийно-политический аппарат добивался первого и главного требования — всемерного развития наступательного порыва у советских воинов?

Первое — целеустремленностью содержания политиче-

ской агитации. На первый план выдвигались темы и вопросы, которые непосредственно готовили солдат к наступательным действиям. Повышали их уверенность в силу своего оружия, развивали стремление быстрее вступить в бой с врагом. Агитаторы неустанно разъясняли великие победы Советской Армии и наши задачи на самом трудном и решающем этапе войны. Среди множества тем и вопросов, на которые агитаторам приходилось давать ответы, были темы непосредственно касающиеся боевых действий. Например, «Усилим удары по врагу», «Действуй стремительно и дерзко, выручай и помогай товарищу в бою», «О сбережении боевой техники и боеприпасов», «Бдительность — закон воина Советской Армии». «Действия бойцов в составе подвижной группы» и т. п. Основным направлением всех выступлений агитаторов, руководящей нитью было: «Вырвем Советскую Прибалтику из лап фашистских хищников».

Агитаторы немедленно реагировали на малейшее изменение в боевой обстановке.

Большинство агитаторов умело использовали сводки Совинформбюро и благодарственные приказы товарища Сталина для поднятия боевого духа и наступательного порыва солдат. Работа с этими документами занимала особенно большое место в политической агитации во время боев. Многие агитаторы умело увязывали успехи советских войск на других фронтах с боевыми задачами своих подразделений.

В горячие дни наступления агитаторы, прильнув к радиоприемникам, наскоро записывали содержание приказов и сводок и через несколько минут приказ товарища Сталина становился достоянием всей массы бойцов. Газет и листовок хватало для каждого агитатора. На коротком привале в минуту затишья, на исходном рубеже, перед вступлением в бой, агитатор всегда находил несколько минут, чтобы прочесть или пересказать волнующее известие. Да и сами солдаты осаждали агитаторов: «О чем сегодня сообщает радио? Как идет наступление в Польше? Далеко ли до Восточной Пруссии? Сколько еще километров осталось до Таллина и Риги?»

После форсирования Лубанской низменности командующий 2-м Прибалтийским фронтом Герой Советского Союза генерал армии Еременко, обращаясь к солдатам и офицерам, говорил: «Честь и слава бойцам Лубанского перехода. Его участники — бойцы и сержанты — не уронили доблесть русского солдата, известного с времен Суворова тем, что для него нет непреодолимых преград». Обращение командующего фронтом заканчивалось призывом: «Вперед, к берегам Рижского залива».

Партийно-политический аппарат частей и соединений развернул большую работу вокруг этой статьи. Листовки призывали скорее сбросить немцев в Балтийское море, полностью освободить Прибалтику от фашистских захватчиков. На дорогах наступления появились огромные транспаранты: «До Риги осталось 110 километров, 100, 90». На очередь дня было поставлено взятие Таллина и Риги. И эта задача неустанно разъяснялась каждому солдату.

Все дни наступления в Прибалтике агитаторы работали с душой, с большевистской страстью. У людей было особое, приподнятое настроение и слово агитатора доходило до сердца солдата. Радио сообщило о взятии нашими войсками Вильнюса, сразу вспыхнул разговор. Один пулеметчик сказал: «Надо потарапливаться, иначе другие скорее нас к морю пробьются». Агитатор Каримов поддержал эту беседу и в заключение сказал: «Чем быстрее мы очистим Прибалтику от немцев, тем скорее сможем принять участие в походе на Берлин».

Низовые агитаторы умели по-настоящему использовать горячее большевистское слово для того, чтобы еще выше поднять наступательный порыв бойцов, умело связать боевую задачу своей роты с общей борьбой Советской Армии на уничтожение фашистского зверя в его берлоге.

Особенно большое распространение в наступательных боях приобрела такая важнейшая форма политической агитации, как рукописная листовка: «Передай по цепи».

Эти листовки зародились в стрелковой роте, как одна из оперативных и действенных форм, которую парторги и комсорги рот и батальонов использовали в наступа-

тельных боях в цепи и траншеях. Листовка прочно вошла в арсенал агитационной работы наших частей. Их содержание и тематика быстро расширялись. Если первые листовки были посвящены показу героев, отличившихся в боях, то потом наряду с показом героев стали выпускать листовки, разъясняющие боевую задачу, полученную в ходе боя, рассказывающие о зверствах немцев и призывавшие к мести врагу. Листовки передавали опыт бывалых солдат, предупреждали о хитрости и коварстве врага, знакомили с последними событиями на фронтах Отечественной войны.

Очень часто короткий листок, написанный горячими словами, учил бойцов, как нужно бить немцев, как лучше использовать оружие в бою. В одном из боев гитлеровцы перешли в контратаку при поддержке танков. Тотчас же появилась листовка. В ней говорилось, что танки врага надо подпускать ближе и бить наверняка: из винтовок и пулеметов по смотровым щелям, по гусеницам связками гранат. Листовка советовала, как нужно отрезать от танков и уничтожить вражескую пехоту.

Агитаторы широко использовали листовки, чтобы в них быстро и кратко изложить важные сообщения об успехах наших войск. В один из напряженных периодов боя агитатор тов. Сергеев пустил по цепи листовку: «Только что передано по радио сообщение — войска 3-го Белорусского фронта овладели городом и крепостью Каунас. Красная Армия перерезала все пути, идущие из Прибалтики в Восточную Пруссию. Слава нашим чудо-богатырям!».

В другой листовке сообщалось:

«Наши войска вчера 27 июля овладели городами Советской Латвии: Резекне и Двинск. Будем воевать, как освободители этих городов. Заслужим благодарность Сталина!».

Сообщение об успехах войск 1-го Украинского фронта, форсировавших реку Висла, умело было использовано агитаторами при решении одной из труднейших задач, стоящей перед нашими войсками — форсирование реки Айвиэксте. Когда бойцы приближались к этой реке, в батальонах по рукам солдат пошел заветный листок:

Для гвардии преград не существует

Наши войска показали непревзойденное мастерство при форсировании таких рек как Днепр, Западный Буг, Висла. Сегодня мы должны форсировать протекающую впереди реку. Все подручные средства у нас есть. Действуя смело, отважно, по-гвардейски, преодолеем эту преграду. Ничто не может остановить нас.

Вперед на уничтожение врага!

Низовые агитаторы сами показывали образец выполнения воинского долга. Коммунисты и комсомольцы при форсировании реки возглавили переправочные группы, показывая пример смелости, решительности и стремительности действий. Как только началась переправа парторг одного нашего стрелкового батальона, старшина Михайлов пустил листовку: «Первой форсировала реку четвертая стрелковая рота гвардии старшего лейтенанта Шмарина. Особо отличился своей смелостью лейтенант Мельченко, рядовые Огуренко и Шевцов. Слава отважным воинам!».

Как мы уже говорили, бои в Прибалтике характеризовались массовым героизмом солдат, сержантов и офицеров. Имелись целые подразделения, личный состав которых был награжден орденами, медалями за один месяц наступательных боев. Поэтому пропаганда отличившихся и награжденных, популяризация их боевого успеха и опыта оказывала большое влияние на дальнейшее повышение наступательного порыва войск. Наступательные бои выявили подлинных энтузиастов агитационной работы, агитаторов словом и личным примером. Таким явился гвардии сержант товарищ Мостовой. О своей работе он рассказывал: «Первый бой, который приняла моя рота, был на подступах к хутору Цепернуэки (Латвия). Ручной пулеметчик Калужский заметил вражеский обоз и артиллерийский расчет,двигающиеся к лесу. Отважный пулеметчик забрался на высоту и выбрав удобную огневую позицию, открыл по противнику сильный огонь. Немцы заматались как ошалелые. Спасая свою шкуру, они по-

бросали лошадей, повозки и орудия, но уйти удалось немногим. Калужского поддержали другие стрелки и пулеметчики и нам достались трофеи, в том числе исправное орудие и несколько лошадей. Этот подвиг надо было обнародовать. Рота продолжала наступление. Ей предстояло форсировать реку Петедзде. И я решил об этом выпустить листовку и рассказать в ней об инициативе и мужестве ручного пулеметчика Калужского. В листовке написал: «Товарищ, передай по цепи!».

«Об инициативе в бою.

В бою на подступах к хутору Цепернуэки пулеметчик Калужский проявил гвардейскую инициативу. Заметив вражеский обоз и артиллерию, Калужский, выдвинувшись на высоту, открыл по противнику губительный огонь. В результате этого внезапного обстрела убито 10 немцев. Нами захвачено несколько лошадей, вражеская пушка, винтовки, автомат. Гвардейцы, равняйтесь в бою на Калужского!

Агитатор А. Мостовой».

Впереди, на пути нашего движения, протекала река. Немцы пытались задержать наше наступление на этом рубеже. Первый бросился в реку рядовой Гавриков, за ним еще один солдат, потом и я. Мы переправились на противоположный берег, закрепились и открыли огонь по врагу. Я крикнул товарищам, которые были еще на другом берегу:

— К нам, товарищи, побыстрее! Мы вас поддержим огнем!

Бойцы бросились в реку и вскоре населенный пункт, находящийся за рекой, был в наших руках. Немцы бежали, понеся большие потери убитыми и ранеными. Мы продолжали наступление. Ко мне подошел гвардеец Гавриков и спросил:

— А обо мне товарищ, гвардии старший сержант, тоже будет выпущен листок?

Я ответил:

— Обязательно.

Тут же я написал на листке бумаги:

«Товарищ, передай по цепи!

Достойный пример гвардейца Гаврикова.

Гвардеец Гавриков час тому назад совершил подвиг: несмотря на сильный огонь противника он первый переправился через реку и первый повел уничтожающий огонь по врагу. Примеру Гаврикова последовала вся рота. Враг был отброшен из укрепленного пункта с большими для него потерями.

Слава смельчаку Гаврикову!

Агитатор А. Мостовой».

Такие листки агитатор Мостовой выпускал часто. Над его окопом рвались снаряды, завывали мины, но он знал, что слово агитатора нужно в бою, что его ждут, и он славил героев, помогая своему командиру в выполнении боевой задачи.

Тов. Мостовой наиболее характерный представитель массы низовых агитаторов. Сам он незаметный герой-труженик. При форсировании трех водных преград он первым переплывал реки, дважды ранен и трижды награжден. Когда в роте выбыли офицеры, он принял на себя командование взводом, а затем и ротой и успешно справился с задачей.

Отвага, стремление быть примером при выполнении всех боевых задач и подлинный героизм — все это характеризовало поведение массы низовых агитаторов. Этим они заслужили всеобщее признание у солдат и офицеров. Многие из них выбыли из строя. На их место становились новые. Но традиция — быть впереди, звать вперед словом и личным примером, жила и делала свое дело.

Ничто так не может наполнить сердце воина яростью и воспламенить в нем благородный порыв идти вперед, как непосредственное впечатление от картин разрушений и

зверств, которые наблюдали солдаты, продвигаясь по Прибалтике.

Был занят Резекне и бойцы увидели взорванный город. Жители города рассказали жуткую историю своей жизни при немцах. В июле 1941 года гитлеровцы расстреляли 16.000 граждан. Не успели войти в город сразу же стали создавать лагеря. Потом туда согнали 16.000 русских военнопленных, зимой 1942 года большая часть их была расстреляна, а остальные умерли от голода, холода и непосильного труда. За полгода в небольшом латышском городке — 32.000 замученных и расстрелянных невинных людей! Вот он «новый порядок», который хотели установить немецкие палачи.

И чем дальше в глубь Прибалтики, тем больше фактов немецких изуверств и дикого произвола. В 18 километрах восточнее Риги есть станция Салоспилс, здесь находился концентрационный лагерь для военнопленных. Немцы оцепили лагерь колючей проволокой, ночью проволочные заграждения освещались специальными электрофонами. На углах были установлены башни, на которых в боевой готовности стояли станковые пулеметы. Шаг в сторону — расстрел. Военнопленных морили голодом, заражали тифом и туберкулезом. Каждый день умирало 300—400 человек. Лагерь прозвали «Долиной смерти». 18.000 человек истребили здесь немцы. Столько же истреблено в эстонском лагере Клога. Немецкие захватчики в течение трехлетнего хозяйничания в Эстонии сильно разрушили хозяйство и культуру. В Таллине, Тарту, Пярну, Курессааре целые кварталы превращены в щебень. Разрушены были многие предприятия, а оборудование их вывезено в Германию. Ареной ожесточенных боев являлась Нарва. Перед отступлением немцы взорвали корпуса Крэнгольмской Мануфактуры — гордости эстонской промышленности. Вот он кровавый след немецкого зверя в Прибалтике. Бойцы видели этот след и торопились скорее добить зверя, освободить своих братьев латышей, эстонцев, литовцев от немецкого ига.

Четыре года немцы мучили и терзали нашу землю. У каждого солдата было свое горе. У одного немцы убили

отца или расстреляли мать, у другого танком раздавили детей и жену, у третьего обесчестили любимую невесту и отправили на немецкую каторгу. Воину Василию Кравцову из Смоленска сообщал брат Иван о гибели матери: «Ватага гитлеровцев вломилась в наш дом. Учинили матери допрос. Переводчик переводил ей вопросы офицера. «Где Иван?, — спрашивал гитлеровец, — когда он последний раз был дома? Куда ушел?»».

Ничего не сказала мать немцам. Тогда они вывели ее на огород, дали лопату, приказали рыть. Конечно, старушка понимала, что роет себе могилу. Может быть в этот час, копая землю, она видела образ своих сыновей и звала на помощь.

Но раздался выстрел и свалилось материнское тело в холодную яму. Не о такой кончине думала она, наша седая, честная мать».

Бывалый солдат Павел Софонькин в письме к боевым друзьям делился своим горем. «Товарищи, расскажу о своем горе, о своих детях. Немцы отняли у них мать. Жене моей Марфе Илларионовне было тридцать лет. Это была жизнерадостная, здоровая, трудолюбивая женщина. Она бы еще прожила 50 лет, и еще бы вырастила много детей. Но ее нет теперь. Даже мне, бывалому солдату, страшно вспомнить ее смерть. В ту ночь в избе их было четверо. Сынишки Алеша и Вася спали на печке, жена с восьмилетней дочкой Полиной спала на кровати. Ночью вломились в дом немцы, стали спрашивать: «Где муж?», она ответила: «В лесу». Она сказала правду. В то время я ушел из деревни Ситовщина, что на Смоленщине, партизанил, жил в лесах. Немцы стали допытываться: «Лесов у вас много. В каком муж?». Но разве моя верная жена могла предать своих русских людей. Она не удержалась и бросила в глаза немецким псам: «Ищите ветра в поле». Это были последние слова, которые сказала она в своей жизни. Тут немец выхватил пистолет и выстрелил ей в грудь. Утром соседи вошли в избу и увидели на постели в луже крови лежит мертвая моя жена, а около нее в горьких слезах трое сирот». Свое письмо тов. Софонькин заканчивал словами: «Мой автомат будет стрелять без

промаха до той поры, пока не будет наказан последний немецкий убийца. Мы им ничего не забудем, гадам, мы им ничего не простим».

В одном артиллерийском дивизионе солдат попросили ответить на вопрос: «Что причинили немцы твоей семье, твоим близким родственникам?» Всех ответов приводить нет смысла. Они одинаковы по своему горю. Был произведен небольшой подсчет и оказалось: у всех опрошенных воинов дивизиона немецкие кровопийцы расстреляли, повесили, замучили в тюрьмах 190 близких родных людей. У шести товарищей немцы угнали на каторгу семь родственников, 17 семей воинов оставили без крова, у 13 семей немцы сожгли, разграбили все имущество.

Когда читали эти ответы солдат, то в них не было тени жалобы. Это говорили судьи. Они писали приговор немецким мерзавцам. Это был приговор мстителей.

Один только этот дивизион на полях Прибалтики уничтожил: 19 немецких противотанковых орудий, 16 танков и самоходных пушек, 17 артиллерийских батарей, 11 минометных батарей, 121 станковый и 128 ручных пулеметов, 18 автомашин, более тысячи гитлеровцев.

Политические работники частей и соединений, партийные и комсомольские организации использовали эти письма для того, чтобы еще больше разжечь ненависть к врагу, призывали мстить фашистским людоедам. Горе торопило советских воинов вперед. Они шли судить фашистскую Германию и клялись не складывать оружия до тех пор, пока не будет приведен в исполнение приговор над немецкими преступниками.

*

Грозной лавиной, испепеляющей на своем пути все препятствия шло наступление наших войск на огромном фронте. Наступление шло точно, ритмично как часы. Удар следовал за ударом в самых неожиданных направлениях для врага. Московские салюты как бы отмечали этапы этого наступления. И каждый понимал, что этим наступлением руководит великий полководец современности товарищ Сталин. Имя Сталина на устах у советских вои-

нов. Шел ли, пробираясь лесными тропами, разведчик в тыл к врагу, поднималась ли рота в атаку, каждый глубоко в сердце хранил дорогое имя Сталина. И когда пуля разила насмерть нашего товарища, его последними словами было: «Я умираю за нашу родину, за сталинскую партию большевиков».

Имя Сталина — наше знамя. С его немеркнущим образом в сердце советские воины шли в бой и побеждали. 30 июля войска, наступающие в Прибалтике, получили радостное известие: за исключительные заслуги в организации и проведении наступательных операций Советской Армии, приведших к крупнейшему поражению германской армии и коренному изменению на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, товарищ Сталин награжден орденом «Победа».

Ликованию воинов не было границ. Всюду состоялись митинги. Солдаты в простых, коротких, но ярких словах отмечали великие заслуги товарища Сталина перед народом и выражали готовность под его водительством драться умело и бесстрашно. Просто и волнующе говорили бойцы. На митинге танкистов старшина Сергеев сказал: «О чем бы ни думал советский солдат — перед глазами его встает Сталин. Иногда очень трудно бывает и в эту минуту вспоминаешь как бы Сталин поступил и выход всегда найдется. Почему у него, у Сталина, справляешься? Потому, что он самый что ни на есть правильный человек. Глаз у него острый, душа широкая, мозг ясный, сердце к народу горячее. Вот и рассуждают солдаты, ежели хочешь людям пользу принести живи, как учит товарищ Сталин».

Каждый советский воин с гордостью произносил «Я солдат Великой Сталинской армии и нет большего счастья, как бороться с врагом под испытанным руководством товарища Сталина».

Сообщение о награждении товарища Сталина еще более сплотило бойцов вокруг партийных и комсомольских организаций, вдохновило их на новые подвиги во имя Родины.

С огромной радостью в войсках встречалось каждое

выступление товарища Сталина. Его слова западали глубоко в сердца воинов и воспринимались как теплый сердечный наказ любимого отца и друга. С большим волнением все ждали традиционного выступления товарища Сталина в канун октябрьского праздника. И вот пришел ноябрь, приближалась 27-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. 6 ноября в районе Ауце (Латвийской ССР) взвод гвардии лейтенанта Гаврилова вел бой за очень важную высоту. Доблестные гвардейцы вышибли немцев из траншей. На левом фланге, прячась за развалинами строений, собралась большая группа немцев, намереваясь опрокинуть наших солдат с высоты. заработали наши ручные пулеметы. Атака врага была отражена и бойцы Гаврилова окончательно закрепились на высоте. Над окопами спустилась темная ночь. И вдруг к бойцам из тыла донеслись мощные звуки, точно где-то позади зарокотал прибой... Солдаты поняли, это мощная громкоговорящая установка транслировала торжественное заседание из Москвы. И когда в далеком Кремле отгремела орация, ясно донесся, до высоты спокойный и знакомый голос:

«— Товарищи! Сегодня советские люди празднуют 27-ую годовщину победы советской революции в нашей стране.»

Все узнали голос Сталина.

Держа наготове автоматы, ощупывая связки гранат, гвардейцы смотрели в темноту ночи и слушали исторический доклад великого вождя и полководца. Его не могли заглушить ни разрывы вражеских снарядов, ни беспорядочная стрельба немцев. И когда товарищ Сталин говорил, что в Прибалтике немцы зажаты в клещи между Тукумсом и Либавой и докалачиваются нашими войсками, каждый сказал про себя — «Доколотим!».

Призыв товарища Сталина — доколотить немцев, зажатых в клещи между Тукумсом и Либавой, стал руководящим лозунгом для всех советских войск, расположенных в Прибалтике. Каждый день наши войска вели бои по уничтожению окруженной группировки, нанося ей большой урон в живой силе и технике.

IV.

Разгромленные войска прибалтийской группировки немцев были зажаты на Курляндском полуострове, омываемого с запада и северо-запада водами Балтийского моря и с северо-востока Рижского залива.

Все немецкие войска в Курляндии были объединены в одну группировку, получившей новое название «Курляндская группа армий». Во главе ее стоял цепной пес Гитлера фельдмаршал Шернер, заменивший еще в августе 1944 года генерал-полковника Линдемана, командовавшего группой «Север». Линдеман был снят Гитлером, за то, что осмелился потребовать отвода войск из Эстонии и Латвии.

Шернер принадлежал к тем немецким генералам-выскачкам, которыми Гитлер заменял старых рейхсверовских генералов. Он был одним из немногих командующих фронтами, которые явились в ставку Гитлера после покушения на него в июле 1944 и подтвердили свою присягу на верность ему. Он рано примкнул к гитлеровской шайке. Родом из Мюнхена Шернер принял участие в погромном путче Гитлера и получил за это золотой значок члена нацистской партии. В 1940 году, когда в Европе уже бушевала развязанная фашистами война, Шернер командовал в Греции горно-стрелковой дивизией. Эта дивизия первая ворвалась в город Солоники, неся смерть и разрушение.

Вероломное нападение Германии на Советский Союз прервала палаческую деятельность Шернера на Балканах, Гитлер направил его на советско-германский фронт. Сначала он действовал на южном фронте, и больше не как командующий, а как палач и душитель украинского народа. В 1943 году Шернер командовал группировкой немцев на Никопольском плацдарме. Немцам нужен был Никополь. Здесь марганец — ценнейшее сырье для военной промышленности Германии. И Гитлер приказывает оборонять плацдарм. Но бесплодны попытки Шернера удержать Никопольское предместное укрепление. Советская Армия разгромила группировку Шернера и большую часть ее истребила. Свою злобу за поражение он отсту-

пая срывал на мирных советских людях. Тысячи изнуренных людей, матерей, детей и стариков Шернер угнал на немецкую каторгу.

Это тот самый Шернер, который и после всеобщей капитуляции немецкой армии 8 мая 1945 года, продолжал сопротивляться нашим войскам в Чехословакии и, которого Советская Армия быстро привела «в чувство».

И вот этот палач и вешатель, фаворит «фюрера» был поставлен во главе Курляндской группировки. Сначала Шернер делает отчаянные попытки ударом на юг от Ливавы и на север от Мемеля образовать коридор и соединиться с немецкими войсками, действующими в Восточной Пруссии. Но эти попытки нашими войсками были сорваны. Немецкое командование решило перейти к жесткой и длительной обороне и в соответствии с этим перед Курляндской группой армий была поставлена задача — удерживать Курляндский полуостров, сдерживать силы Советской Армии и, в случае изменения военно-политической обстановки в благоприятную сторону для Германии, курляндская группа должна сыграть свою роль в тылу советских войск. В своем приказе Шернер писал: «Фюрер приказал Курляндской группе армий защищать Курляндию. Причины этому ясны. На нынешнем этапе войны борьба ведется за Германию, как за крепость. Старый военный опыт показывает, что у каждой крепости есть внешние форты. Они являются волнорезами, сдерживающими вражеский натиск, они ослабляют и раздробляют силы врага, прежде чем он достигнет ее крепостных валов. Курляндия является внешним восточным фортом Германии». Далее Шернер так определял задачу своих войск: «Мы должны при всех обстоятельствах удерживать фронт. У нас нет путей отступления, теперь терять нам уже нечего. Но время мы еще можем выиграть. Оборона Прибалтики является лучшей защитой Восточной Пруссии».

Чтобы удержать Курляндский плацдарм, немецкие генералы призывали своих солдат с ожесточенной яростью защищать каждую позицию. Не сдавать без приказа даже самого маленького участка обороны. От солдат, нахо-

дившихся в Курляндии, бралась подписка, что они обязуются до последней капли крови защищать обороняемые позиции. Командиру отделения давалось право без суда расстреливать солдат, которые самовольно оставляют позиции. Если командир отделения не примет мер, он сам подлежит расстрелу. Эти жестокие меры дополнялись усиленными работами по строительству самых различных оборонительных сооружений.

Местность на юге Курляндского полуострова сильно заболоченная, холмистая. Здесь протекает много рек и ручьев. В центральной части полуострова расположена Курляндская возвышенность с абсолютными высотами до 140 метров, господствующими над остальной частью местности. Это создавало трудности для наступающих и преимущества для обороняющихся. Немцы использовали эти условия местности для того, чтобы создать сильную и устойчивую оборону. В течение всего сентября—октября гитлеровцы лихорадочно строили. В обращении к немецким солдатам говорилось: «Мы строим позиции, окопы, огневые точки и дзоты, чтобы иметь возможность обороняться, мы укрепляем каждую деревню, чтобы крепко зацепиться за нее, мы роем окопы, каждую свободную минуту — время не ждет».

Враг лихорадочно укреплялся. Он создавал глубоко эшелонированную оборону, начиная от побережья Рижского залива и далее вдоль всего фронта к Либаве тянулось несколько оборонительных полос, усиленных системой, противопехотных и противотанковых заграждений в виде мощных минных полей и сложных проволочных заграждений в два-три ряда. На один километр фронта приходилось 0,5 километра траншей, один опорный пункт, 3 000 мин. Немецкое командование рассчитывало, опираясь на свои оборонительные рубежи, в случае необходимости, иметь возможность планомерно отвести свои войска, если потребуется эвакуироваться из Курляндии.

После того, как все сухопутные коммуникации немецкой армии были перерезаны, снабжение Курляндской группировки осуществлялось морским путем через два основных

порта: Либава и Виндава. Порт Либава имел 48 причалов. Он мог принимать суда до 8 метров осадки. Порт Виндава, расположенный в устье реки Вента мог в течение суток обрабатывать до 100 судов. Оба порта незамерзающие. Каждый порт был очень сильно укреплен. Вокруг Виндавы было построено четыре оборонительных рубежа, с мощной артиллерией и противотанковыми средствами. Оборона портов строилась таким образом, чтобы в случае расчленения Курляндской группировки на две части, они могли бы самостоятельно обороняться.

В сентябре и октябре на всем Курляндском полуострове дни и ночи шло строительство оборонительных сооружений. Десятки тысяч людей, согнанных сюда немцами из Эстонии и Латвии, рыли окопы и траншеи. Чтобы прикрыть это строительство, немцы предпринимали многочисленные и яростные контратаки против наших частей. Случалось, что одному нашему батальону в день приходилось отбивать до 5—10 контратак немецкого батальона, поддержанного танками. Все оборонительные рубежи враг заполнял живой силой, создав плотные боевые порядки. Таким образом, немецкое командование действительно хотело превратить Курляндию в крепость и пыталось удерживать ее всеми силами.

Но стратегическая обстановка для Курляндской группы армий все более ухудшалась. Наши войска очистили всю Клайпедскую область, а 23 октября 1944 года совершили историческое вторжение на территорию Восточной Пруссии. Изолированным и крепко потрепанным немецким дивизиям отступать было некуда, поэтому они сопротивлялись с ожесточением. Предвидя возможность проявления недовольства среди своих солдат, гитлеровская ставка в своей директиве от 12 октября требовала: «тем, кто пытается говорить о создавшемся тяжелом положении, следует заткнуть глотку». Применением суровых, драконовских мер немецкому командованию удавалось поддерживать боеспособность в своих частях.

Перед воинами-прибалтийцами на этом этапе боев

стояла трудная, но почетная задача — не выпустить немцев из Курляндии, сковать их активными боевыми действиями и разгромить.

При этом каждый понимал, что бои предстоят очень упорные. Разгромить, так хорошо закопавшегося в землю, врага, было нелегко. Воины-прибалтийцы во время наступления приобрели большой боевой опыт, этот опыт нужно было использовать в боях Курляндии. Особое значение имело правильно налаженное взаимодействие войск и особенно слаженная и четкая работа артиллеристов, которые должны были громить укрепления немцев. Каждый снаряд в цель — вот девиз боевой работы артиллерии в Курляндии. И наша артиллерия наносила огромный урон живой силе и технике противника. Для воинов-прибалтийцев боевой программой действий являлось указание товарища Сталина:

«... Смелым маневром охватывать фланги вражеских войск, прорываться в их тылы, дробить их и уничтожать если они отказываются сложить оружие».

После освобождения Риги и взятия Паланги советские войска в Прибалтике совершали быструю перегруппировку, подтягивали тылы, вели разведку переднего края и к концу октября 1944 года начали ожесточенные бои с Курляндской группировкой, которые не затихали в течение нескольких недель.

28 октября участок фронта заговорил тысячью орудий. Над вражеским передним краем забушевал огонь. Началось артиллерийское наступление. Открыли огонь все наши батареи, но вскоре они стали бить все реже и реже, а из лощин показались небольшие группы нашей пехоты. Немцы решили — артподготовка кончилась и началась наша атака, и они двинули в первые траншеи свои силы, что бы отстоять рубеж. Этой минуты и ждали наши артиллеристы.

Огонь! И вновь задрожала земля над вражеской обороной. Враг был обманут. Наша артиллерийская подготовка была необычайно напряженной. 80 минут работала артиллерия и, когда огонь наших орудий был перенесен дальше за передний край, наша пехота бросилась к не-

мецким траншеям, и первый оборонительный рубеж врага был смят.

Немцы много трудились, чтобы укрепиться здесь. Извилистые траншеи, со множеством отростков, больших и маленьких блиндажей, пулеметных гнезд и стрелковых ячеек, — походила, на труд неисчислимой армии кротов, которые зарылись так, чтобы нельзя было бы их достать в глубоких земляных жилищах. Но напрасно! Весь передний край изрыт, перепахан огнем нашей артиллерии. В иных местах траншеи засыпаны, в других разворочены так, что трудно узнать, где проходил главный ход.

Всюду в траншеях и около них груды немецких трупов. Наблюдавший картину полного и беспощадного разгрома переднего края вражеской обороны, мог видеть разбитые пулеметы и орудия, коробки с лентами, ящики с патронами, пробитые каски, изорванные противогазы, обгоревшие шинели.

Прорвав немецкий передний край, наши войска продвинулись вперед на 15—27 километров. Дальнейшего развития наступление не получило вследствие начавшихся дождей и резкого ухудшения дорог. Войска остановились и приступили к закреплению на достигнутом рубеже.

Но немцы в Курляндии не могли чувствовать себя спокойно. Еще 7 октября войска Ленинградского фронта под командованием Маршала Советского Союза Говорова в результате успешно проведенной десантной операции на остров Сааремаа сломили сопротивление противника и захватили в восточной части острова плацдарм по фронту 40 километров и в глубину 25 километров. Наступление войск Ленинградского фронта имело прямое отношение к боям с Курляндской группой немцев. Эстонские острова Сааремаа, Хийумаа, имеют большое стратегическое значение на Балтийском море. Хийумаа контролирует вход в Финский залив. Сааремаа — прикрывает вход в Рижский залив. Немцы сделали все возможное, чтобы удержаться на островах. Советские войска сорвали эту попытку врага. В течение октября вся центральная часть острова Сааремаа была очищена от захватчиков и осво-

божден административный и политический центр острова — город Курессааре. Но немцы оказали наиболее ожесточенное сопротивление на полуострове Сырве, и не случайно. Если посмотреть на географическую карту, то мы увидим, что полуостров Сырве узкой лентой обращен на юг, и он является как бы мостом, перекинутым через Ирбенский пролив к Курляндскому полуострову. Сами немцы полуостров Сырве называли «Ирбенским щитом». Действительно этот щит давал возможность вход в Рижский залив, держать на замке и обеспечивал северо-западный фланг Курляндской группы армий.

Вот здесь-то на подступах к полуострову Сырве разгорелись ожесточенные бои. Гитлеровцы оказывали яростное сопротивление. Узкий двухкилометровый фронт не давал возможности нашим подразделениям применять обходный маневр заходить во фланги. Приходилось наносить по немецким укреплениям лобовые, фронтальные удары. Сухопутным войскам оказывали прямую помощь моряки Балтийского флота.

Наше командование, ведя бои на изматывание противника, тщательно изучало немецкую оборону и готовило решительный удар. Артиллерийские разведчики засекли у немцев 40 артиллерийских и минометных батарей. И вот 23 ноября 1944 года начался штурм последнего оборонительного рубежа немцев на полуострове Сырве. В первую очередь была разгромлена артиллерийская группировка немцев. Затем наша пехота во взаимодействии с артиллерией и авиацией сокрушила мощный оборонительный рубеж врага, разрезала немецкую оборону на части и двинулась к берегам моря, окружая и уничтожая группы противника. В этих боях показали изумительную храбрость и мастерство бойцы и офицеры Эстонского национального корпуса генерал-лейтенанта Пэрна. Им выпала высокая честь очищать от немецких захватчиков последние метры своей родной земли. 24 ноября полуостров Сырве был очищен полностью от врага и в Москве прогремел салют в честь войск Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота, завершивших освобождение Советской Эстонии от немецких захватчиков. С

падением острова Сааремаа обстановка Курляндской группы армий значительно ухудшилась. Корабли Балтийского флота получили возможность через Ирбенский пролив выходить к портам Виндава и Либава — основным базам снабжения немцев и наносить здесь врагу значительные потери.

В результате победы войск Ленинградского фронта морские фланги Курляндской группировки немцев оголились. Наш флот получил возможность действовать на коммуникациях немцев, связывающих их с Германией.

В течение ноября—декабря 1944 года наши войска вели непрерывные бои, истребляли живую силу и технику врага. Хотя в этих боях войска и не добились решающего оперативного успеха, все же немцам не удалось образовать коридора и соединиться со своими войсками, действующими в Восточной Пруссии. Была похоронена их надежда прорвать наш фронт и выйти в тыл Советской Армии, действовавшей уже к этому времени на территории Германии.

Немецкое командование не смогло перебросить сколько-нибудь значительных сил на другие участки фронта.

Этим завершился первый этап боев с Курляндской группировкой немцев.

V.

В январе—феврале 1945 года Советская Армия развернула невиданное в истории по масштабам наступление на широком фронте от южных предгорий Карпат до Балтийского моря. В упорных боях Советская Армия преодолевала яростное сопротивление гитлеровцев и быстро продвигалась вперед. За короткий срок наши войска взяли Варшаву, Кельце, Глейвиц, ворвались в Силезский промышленный район, вышли на побережье Данцигской бухты.

Немцы много раз навязывали народам Европы кровопролитные и опустошительные войны. Но после наполеоновских войн ни разу еще военные действия не велись на немецкой земле. Тупоголовые юнкеры и бюргеры не ис-

пытывали тех страданий и ужасов, которые приносили затеянные ими войны другим странам. И только Советская Армия, после трех лет тяжелой борьбы, перенесла военные действия на немецкую землю и громила гитлеровские войска в Восточной Пруссии, в Померании и немецкой Силезии. За короткий срок советские войска заняли ряд важнейших промышленных районов Германии, большую часть Восточной Пруссии и вышли к реке Одер.

Гигантские клинья Советской Армии вонзились в тело гитлеровской армии и раздробили ее на части. Советские войска с упорными боями продвинулись от границ Восточной Пруссии до нижнего течения Вислы на 270 км; с плацдарма на Висле южнее Варшавы до нижнего течения реки Одер — на 570 км; с Сандомирского плацдарма в глубь немецкой Силезии — на 480 км.

И чем дальше наши войска продвигались в глубь Германии, тем большая обреченность и изоляция постигала Курляндскую группировку армий. Уже к концу января войска генерала армии Черняховского находились на расстоянии 3-х километров северо-западнее Кенигсберга. И если раньше немцы, зажатые в Курляндии, деляли надежду прорваться в Восточную Пруссию, то с выходом наших войск к Кенигсбергу, эта последняя надежда рухнула.

Кратчайший путь от Либавы до Кенигсберга по морю — 225 км был потерян. Путь от Либавы до Данцига — 280 км, нельзя было использовать, так как Данциг был окружен нашими войсками. До следующего порта Германии — Штеттина — 589 км, но этим путем нельзя было воспользоваться, так как советские войска вышли на подступы к Штеттину и к устью реки Одер. К этому времени оставался единственный длинный морской путь — Либава — Любек, составляющий 750 км. Теперь уже нельзя было за одну ночь, как это было раньше, выйти морским путем из Курляндского «котла» и дойти до Кенигсберга. Расстояние 750 км. не мог покрыть даже самый быстроходный корабль за 8—10 часов, а днем курсировать было очень опасно.

В связи с тем, что Германия за короткий срок потеряла важнейшие экономические районы, питающие армию

продовольствием, снаряжением и боеприпасами, резко ухудшилось снабжение Курляндской группировки. Большинство немецких транспортов, направлявшихся в порты Либава и Виндава, гибли под ударами нашей авиации и флота. Резко был сокращен продовольственный паек солдатам. Солдаты начинали понимать, что им придется издыхать в курляндской «мышеловке». На настроении сказывались и те мрачные сведения, которые поступали из Германии. И хотя немецкое командование принимало самые суровые меры к распространителям панических слухов, сведения о действительном положении в Германии все-таки проникали. К немцам, сидящим в курляндском «котле», иногда попадали шведские газеты. А в этих газетах сообщалось: «Русские нанесли военному потенциалу Германии такой ущерб, — писала в передовой статье стокгольмская газета «Свенска Дагбладет», — что немецкая армия сопротивляться долго не сможет».

Ощутительнее всего удары Советской Армии по фашистской экономике сказались на продовольственном снабжении населения. Берлинский корреспондент другой стокгольмской газеты «Дагенс-Нюхетер» сообщал: «Едиственное блюдо, получаемое берлинцами, — суп из ячневой крупы. Нормы картофеля — 500 гр. в неделю». Впервые над развалинами Берлина появился призрак голода. Многие стараются сделать запасы, но в продовольственных магазинах пусто». Готеборгская газета «Нотид» так рисовала положение в Берлине: «Положение Берлина критическое. Опасность, угрожаемая Берлину, исключительно велика. Налеты авиации союзников еще больше ухудшают положение». Газеты сообщали, что число бездомных в Берлине в феврале 1945 года достигало более 2 миллионов человек. В одном письме, найденном у немецкого солдата, говорилось: «Тысячи людей проводят ночи в городских садах Берлина. Театры и станции метро превращены в эвакуационные центры. Бегство принимает гигантские масштабы. Здесь ходят слухи, что число беженцев, оставивших восточные районы достигает пяти миллионов».

Просачивающиеся из Германии сведения говорили о

расстройстве государственного и административного аппарата. Сообщалось, что в некоторых районах Германии чувство отчаяния среди немцев достигло такой силы, что гестапо удается поддерживать порядок только путем террора. Гестапо расчищало тюрьмы, расстреливались даже руководители местных организаций фашистской партии, заподозренные в нестойкости, малодушии и трусости». Шведская газета «Автонбладет» помещала сообщение немецких кругов о том, что «в берлинских тюрьмах сейчас идут расстрелы арестованных. Без суда уничтожено несколько тысяч человек. Среди них много активистов левой, католической, социалистической и коммунистической партий, арестованных по старым спискам гестапо».

Черные дни наступили для Германии. Война проиграна. Безнадежность и обреченность своего положения стали понимать отдельные немецкие солдаты в Курляндии. Чтобы спасти свою жизнь, они группами и в одиночку переходили линию фронта. Перебежал и ефрейтор Шумпель. На допросе он дрожащим голосом рассказывал: «Большинство солдат нашей роты — уроженцы Силезии. Писем из дому не получаем. Большая часть Силезии занята Красной Армией. Это угнетает солдат. Все мы знаем, что Германия проиграла войну. А нам выхода из Курляндии нет. Это стало особенно ясно, когда советские войска блокировали Данциг, Кенигсберг, прорвались к Штеттину».

Курляндский «мешок» был завязан крепко. Немцы блокированы, прижаты к морю. Они несли большие потери. Это подтвердил немецкий перебежчик: «В начале этого года в Штеттине нас погрузили на пароход и повезли в Либаву. По дороге пароход торпедировали советские подводные лодки. От взрыва торпеды погибло более 700 человек. Остальные спаслись. Я и двое моих товарищей, договорились при первой возможности перейти на сторону русских, иначе живыми из Курляндии не уйти». Перебежчики говорили, что настроение немецких солдат в Курляндии подавленное, многие из них уже потеряли веру в возможность уйти живыми из «котла». В своих

показаниях пленные жаловались на возросшие материальные трудности. Пленный санитар охранного батальона говорил: «Из-за отсутствия бензина мы не можем перевозить на автомашинах тяжело раненых. Это приводит к значительному росту смертности. Нехватает медикаментов, перевязочного материала. Солдаты завшивели».

Немецкие офицеры, желая поддержать падающий дух своих солдат, повторяли им басни Геббельса о «новом секретном оружии», которое будет введено в феврале 1945 года, и что это оружие принесет победу Германии. Но пришел февраль — никакого особого оружия не появилось, а Германия стояла накануне катастрофы.

Чтобы как-то пополнить свои запасы продовольствия, гитлеровцы проводили широкие реквизиции, проводилось систематическое и массовое ограбление местных жителей. Немцы установили для крестьян Курляндии голодные нормы продуктов. Сто пятьдесят граммов ржи в день на человека.

Март—апрель 1945 года гитлеровцы проводили бесконечные реквизиции, забирая все под чистую, не только зерно, но и рогатый скот, особенно лошадей. Массовое разорение латышских крестьянских хозяйств в марте и апреле стало обычным явлением. С теми, кто посмели сказать хоть одно слово в свою защиту, беспощадно расправлялись. Еще более горькая участь постигла тех, кого немцы насильно пригнали в Курляндию. В августе и сентябре, отступая под ударами Советской Армии, немцы уводили с собой тысячные толпы мирного, гражданского населения. Их гнали в Германию. Здесь было много русских людей из районов, граничащих с Прибалтийскими республиками. Отправить их в Германию не успели ни морем, ни сушей. И вот десятки тысяч сгрудились на сравнительно небольшом пространстве Курляндского полуострова. Они не имели ни крова, ни скота, ни хлеба. Дни и ночи они копали землю. Кто не выходил на работу, того немцы расстреливали.

Страх перед наступающей расплатой, толкал врагов на отчаянное сопротивление. Каждый день подтверждалось

указание товарища Сталина, данное в его приказе от 23 февраля 1945 года, что: «Обреченный враг бросает в бой последние силы и отчаянно сопротивляется, чтобы избежать сурового возмездия он хватается и будет хвататься за самые крайние и подлые средства борьбы. Поэтому надо помнить, что чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу».

Даже накануне катастрофы немцы продолжали лихорадочно строить и совершенствовать свою оборону. Новые траншеи прорывались на десятки километров. Каждая высота превращалась в крепость. Высоты соединялись между собой глубокими траншеями и ходами сообщений. Вся оборона была насыщена огнем. Систему своей обороны немцы дополнили некоторыми особенностями тактики. В февральско-мартовских боях на Курляндском плацдарме немцы стали широко применять так называемый «броневой пояс». Суть этой тактики состояла в следующем. Как только наши войска прорывали первый рубеж обороны врага и углублялись на 6—7 километров, немецкое командование немедленно к участку прорыва подтягивало с других участков танки, самоходки и другие броневые силы, как бы окаймляя ими образовавшийся прорыв. Созданием такого «пояса» и массированным огнем всех броневых единиц немцам удавалось добиваться замедления нашего продвижения вперед. Располагая суженным участком фронта и развитой сетью дорог, немецкое командование очень быстро накапливало резервы на участке прорыва. Этой тактике врага советские генералы и офицеры противопоставили свою тактику. Первое место отводилось артиллерии. Огонь артиллерии был строго дифференцирован. В том случае, когда наши подразделения находились в непосредственной близости от противника и прямо шли в атаку, артиллеристы обеспечивали штурм вражеских позиций и огневое сопровождение пехоты.

В случаях же, когда пехота должна сблизиться с противником с дистанции 600—800 метров, артиллеристы обеспечивали выдвижение пехоты на исходные рубежи

для атаки, а затем сопровождали ее в процессе всего боя. Перед артиллеристами была поставлена строгая задача — вести только прицельный огонь по обнаруженным целям. Учитывая, что бои протекали в лесистой местности, основная масса пушек даже дивизионной артиллерии использовалась для стрельбы прямой наводкой, так как стрельба с закрытых позиций в этих условиях не давала результатов. Для борьбы с броневыми силами противника создавались штурмовые группы из самых смелых и отважных бойцов с включением в них тяжелых самоходных орудий и танков. Такие штурмовые группы, действуя смело и бесстрашно при поддержке всей массы артиллерийских средств, научились разбивать немецкий «броневой пояс».

Но строительством многочисленных оборонительных сооружений немцы не обманули нашей бдительности. Наше командование предполагало, что немцы, опираясь на хорошо организованную оборону, попытаются вывести основную массу своих войск в Германию. Это подтверждали и пленные.

Нужно было не выпустить немецкие дивизии из «мешка». Сковать их боями, лишить возможности перебросить отборные части против наших войск, наступающих по германской земле. Немец, находящийся в курляндской «мышеловке», не должен появиться на пути советских бойцов, наступающих к Берлину — таков был лозунг воинов-прибалтийцев.

Наши бойцы, желая помочь войскам, штурмующим логово зверя, были полны желания, как можно больше истребить немцев. Главная роль в этих боях принадлежала артиллеристам. Немцы бросали в бой свои броневые средства: танки, самоходки и бронетранспортеры. С ними расправлялись наши орудия прямой наводки и бронейбойщики. В этих боях прославилась батарея гвардии капитана Тестова. Противник, выбитый с важного рубежа, сделал попытку любыми средствами задержать наше наступление. С этой целью немцы бросили в бой несколько самоходок в сопровождении двух рот пехоты. Используя скрытые подступы, вражеские самоходки проникли

через лес на поляну, пытаюсь внезапным ударом вернуть потерянные позиции. В это время другая батарея, гвардии капитана Германовича, получив приказ старшего командира, меняла огневые позиции. На этой батарее сосредоточили огонь десять немецких самоходок и дальнбойная артиллерия.

Под огнем противника орудийные расчеты гвардии сержантов Игнатова и Кутейникова и гвардии старшего сержанта Белавина быстро развернули свои орудия. Их огонь был точным. Сержант Игнатов подбил первую самоходку врага, затем задымили еще две. Остальные повернули обратно. Работа артиллериста немыслима без разведки и наблюдения. В этих боях отличился артиллерийский разведчик Марычев. Он оборудовал наблюдательный пункт в снарядной воронке в трехстах метрах от вражеской траншеи. Отсюда было хорошо видно, как немцы перетаскивали по ходу сообщения ящики с боеприпасами к небольшой высоте. Здесь у них были установлены пулеметы. Полностью просматривалась также и лесная опушка с замаскированными там блиндажами. Затем Марычев увидел за группой деревьев замаскированную самоходку врага. Все эти наблюдения он передал на батарею и через мгновение артиллерийские разрывы точно накрыли высоту, но вражеское самоходное орудие сумело отойти в сторону и двигалось прямо к наблюдательному пункту на Марычева.

И герой не задумываясь передал на батарею:

— Огонь на меня!

Два орудия ударили по указанной цели. Немецкая самоходка дрогнула и задымила. К счастью, Марычев в такой опасный момент остался жив. Он продолжал двигаться вперед вместе с пехотинцами, выискивая новые цели, наводя смертоносный огонь своих орудий на врага. И чем отчаяннее становилось сопротивление немцев, тем больше инициативы, смелости и смекалки проявляли наши бойцы. Впереди были коммунисты и комсомольцы.

— Пусть перед тобой хоть сам чорт стоит, — говорил своим товарищам пулеметчик-коммунист гвардии сср-

Героическими подвигами в боях за Прибалтику, прославил себя автоматчик Николай Коваленко. Только в двух боях он сам уничтожил 26 немцев, захватил две пушки, пленил 7 гитлеровцев.

На снимке: гвардии младший сержант Николай Коваленко (второй справа) в кругу своих друзей.

жант Завьялов, — смело иди вперед. Уничтожай препятствия на пути и тогда победа будет за нами.

Далеко разнеслась в этих боях слава об отделении гвардии старшего сержанта Сереброва. Один наш батальон, взломав передний край обороны противника, за день с ожесточенными боями значительно продвинулся вперед и вечером овладел важной высотой. За эту высоту немцы остервенело цеплялись. Отсюда противник просматривал нашу глубину до трех километров и поэтому враг пытался вернуть высоту.

Отделению гвардии старшего сержанта Сереброва было приказано вместе с артиллерийской батареей гвардии ка-

питана Козлова удерживать высоту и тем самым прикрывать фланг батальона. Бойцы были утомлены дневным боем. Им пришлось преодолеть, где ползком, где быстрыми перебежками по грязи, по воде, большое расстояние под вражеским огнем. Днем стояла оттепель и все промокли до нитки. Когда вечером наступил заморозок, мокрые шинели затвердели, холодом сводило руки и ноги.

Ночью из леса к высоте вышли немецкие самоходки и бронетранспортеры. При свете ракет бойцы насчитали их восемь штук. С бронетранспортеров высыпало до роты пехоты противника и бросилась на высоту. Артиллеристы гвардии капитана Козлова открыли из всех орудий беглый огонь по врагу. Но гитлеровцы под покровом темноты лезли вперед. Отделение Сереброва дружно открыло огонь из своего оружия. Завязалась жестокая схватка.

— Не жалея свинца на немецких гадов! — кричал рядовой Федотов. Он заметил, что справа на высоту пробрались пять немцев, и смело бросился на них. Трех уничтожил автоматной очередью, а двух подорвал ручными гранатами.

Враг от высоты был отброшен, но немцы не успокоились, через некоторое время они повторили попытку взять высоту. И опять под ударом советских воинов гитлеровцы откатились назад.

Всю ночь сражалась горстка гвардейцев. Легко раненые бойцы сами себе делали перевязки и продолжали биться. Отделение Сереброва с честью выполнило поставленную перед ними задачу. Подобных примеров было множество.

В этих боях воинов-прибалтийцев вдохновляли успехи стремительного наступления войск Белорусских и Украинских фронтов. Командиры и партийно-политические работники учили бойцов использовать их опыт. А опыт этот говорил: «Тщательно веди разведку вражеской обороны, знай каждую траншею и огневую точку врага, всю систему укреплений и заграждений немцев, знай вражескую оборону до мельчайших подробностей и взламывай ее точно рассчитанными ударами. Воины наступаю-

щих фронтов показали образцы четкого взаимодействия стрелков с пулеметчиками, минометчиками, орудиями самоходной и полевой артиллерии. Они показали примеры стремительного наступления. Их боевые примеры как бы говорили: ворвался в немецкую траншею — очищай ее и двигайся дальше. Если враг пошел в контратаку — отражай ее стойко и храбро, опрокидывай и преследуй. Продвинулся вперед сосед — поддерживай и развивай его успех. И вновь эти бои родили тысячи героев, покрывших свои имена громкой славой.

В февральско-мартовских боях Курляндская группа немецких армий понесла большие потери в людях и технике, но у нее еще были значительные силы, и она продолжала держаться, хотя обстановка для немцев складывалась все более и более неблагоприятно. Почему же немцы продолжали удерживать плацдарм в Прибалтике, который уже к этому времени потерял для них всякое значение?

Дело в том, что немцы до последней минуты надеялись расколоть антифашистскую коалицию держав, внести разлад в лагерь союзников, сговориться с англичанами за счет Советского Союза. Поэтому гитлеровская ставка даже накануне своей гибели продолжала держать свои главные силы на Восточном фронте. Немцы преднамеренно снимали самые боеспособные части с Западного фронта и бросали их на Восток. Западная Германия оставлялась англичанам и американцам, как «меньшему злу».

Гитлер рассчитывал, что в случае изменения политической и стратегической обстановки в благоприятную для Германии сторону, Курляндская группа немецких армий сыграет свою роль в тылу Советской Армии.

Немцы сидели в «мешке» и ждали «чуда», когда изменится обстановка в пользу Германии. Но, как известно, в мире чудес не бывает. Самая благоприятная политическая и стратегическая обстановка складывалась в пользу Советского Союза, а не в пользу Германии. Победоносное наступление Советской Армии перепутало немцам все карты. Советские войска громили немцев в Силезии, на Одере, у Штеттина.

Дни фашистской Германии были сочтены.

Полная изоляция и обреченность Курляндской группировки врага стала очевидной. Немецкое командование, только в конце апреля 1945 года убедилось в бессмысленности удержания Курляндского плацдарма и сделало попытку эвакуировать свои силы из Курляндии. Но советские войска сорвали эту попытку.

Следовательно удержание немцами Курляндского плацдарма вплоть до момента всеобщей капитуляции являлось явным просчетом гитлеровского верховного командования, результатом их порочной дефективной стратегии.

И, наоборот, то, что нашим войскам относительно меньшими силами удалось сковать значительные силы врага в Курляндии и не дать им возможности выбраться к Берлину, свидетельствует о силе и прозорливости сталинской стратегии.

VI

По вызову гитлеровской ставки командующий Курляндской группировкой немцев генерал пехоты Гильперт 18 апреля 1945 года прибыл в Берлин.

Гитлер принимал генерала Гильперта в своем подземном кабинете, который находился на глубине пятиэтажного здания. Здесь жили и другие главари бандитской шайки. Гильперт был вызван к вечернему докладу у фюрера и, так как он спешил возвратиться обратно, его доклад слушался первым. На докладе присутствовали все руководящие особы Германии.

Когда генерала пропустили в кабинет Гитлера, он увидел перед собою человека, сидевшего за огромным черным столом и казавшегося очень маленьким, почти карликом. Бегающим взглядом старого вора Гитлер посмотрел на командующего и предложил начать доклад.

Гильперт объяснил обстановку на фронте своих армий и умолял «фюрера» усилить снабжение продовольствием и снаряжением группировки, доложил об уменьшении хлебного пайка и предложил оборудовать на датском

острове Борнхольм морскую и воздушную базы, для снабжения Курляндской группировки.

Молча выслушав Гильперта, Гитлер убеждал своего командующего не рассматривать все происходящее под углом зрения настоящего момента, и, что он, Гитлер, определенно рассчитывает на благоприятный поворот текущих операций. Чтобы подтвердить свою мысль, Гитлер быстро выскочил из-за стола и подбежал к карте Восточного фронта. Обводя пальцем линию немецких войск на Одере, он истерично выкрикнул:

— Мы создали здесь неприступную крепость, о которую разобьются большевистские волны.

Потом его палец на карте резко скользнул вверх на северо-восток к Рижскому заливу. Он обвел фронт Курляндской группировки и, подойдя, вплотную к Гильперту прошипел:

— Я от вас требую передать солдатам мой приказ — фанатически сопротивляться натиску Советов.

На этом доклад был закончен. Через несколько дней Гильперт снова был в Курляндии. В то время, когда опереточный «главнокомандующий» принимал генерала пехоты Гильперта, войска 1-го Белорусского фронта уже прорвали немецкий «Одер-фронт», на который Гитлер возлагал такие надежды. Наступление началось 18 апреля, а 25 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов завершили полное окружение Берлина.

26 апреля германское верховное командование отдало приказ об эвакуации немецких армий из Курляндии в Германию на помощь осажденному Берлину. Это, видимо, было последнее распоряжение гитлеровской ставки. Далее связь группировки с Германией была прервана. В целях осуществления эвакуации Гильперт и его штаб решили в первых числах мая отвести войска на предместные укрепления Либавы и Виндавы с тем, чтобы, удерживая эти порты, обеспечить эвакуацию морем основных сил. В порты были подтянуты транспорты. Частичная эвакуация началась еще 26 апреля.

О проведении этого мероприятия командующий Курляндской группой армий генерал пехоты Гильперт, после

сдачи, в плен, показал: «В самом начале не предусматривалась эвакуация всех наличных сил, так как транспортные средства могли быть представлены на 50 000 человек с личным оружием без лошадей и артиллерии. Я отдал приказ начать отход 3 мая и поставил себе задачу из имеющихся 20 дивизий отправить 7. В первую очередь я назначил посадку на суда батальонов новобранцев и резервных частей, так как пехотные дивизии могли освободиться только в последней стадии. Тщательно разработанного плана у нас не было, так как нельзя было предвидеть как будет развиваться преследование русскими».

Советские войска своевременно, обнаружив отход немецких частей, перешли в преследование. Немцы не сумели оторваться от наших войск и вынуждены были отходить с боями цепляясь за каждый промежуточный рубеж. В течение 5—6 и 7 мая наша бомбардировочная авиация наносила мощные, бомбовые удары по скоплениям немецких войск в портах Виндава и Либава. Наше наступление перепутало немцам все карты. Задуманная ими эвакуация полностью провалилась. По утверждениям немецких генералов и офицеров они сумели вывезти только около 30 000 человек и те либо были потоплены нашим флотом в открытом море, либо попали в плен на других участках фронта.

И вот наступило утро 8 мая. Никто из нас тогда не знал еще, что это и есть утро последнего дня войны, что в этот день в Берлине подписывался акт о безоговорочной капитуляции немецких вооруженных сил. В этот день в 7 часов утра радисты штаба Ленинградского фронта перехватили от радики командующего Курляндской группы армий следующую телеграмму на немецком языке:

«Командующему II Прибалтийским фронтом».¹

Всеобщая капитуляция принята, устанавливаю связь и запрашиваю на какой волне возможна связь с командованием фронта (волны перечисляются).

¹ Наши войска, действовавшие против курляндской группировки, входили в состав Ленинградского фронта.

Приняв условия безоговорочной капитуляции, немецкие офицеры устанавливали связь с командованием наших частей и заявляли о своей сдаче.

Первым на участке нашего фронта явился для официального заявления о капитуляции командир 290 немецкой пехотной дивизии полковник Менке. На этом снимке запечатлен момент явки полковника Менке и его, офицеров к представителю Советского командования с заявлением о безоговорочной капитуляции.

Командующий войсками Курляндской группы армий генерал пехоты Гильперт».

В 11 часов утра командующий Ленинградским фронтом, Маршал Советского Союза Говоров послал ответную телеграмму, в которой предложил:

а) «Для ведения переговоров о капитуляции прибыть командующему КГА или его представителю с полномочиями принять и подписать порядок капитуляции. Отдать распоряжение немецким войскам о прекращении военных действий с 14.00 часов и выставить белые флаги по переднему краю немецкой обороны».

Днем 8 мая начальник штаба Ленинградского фронта генерал-полковник Попов в местечке Эзре (Латвийской ССР) от имени Маршала Советского Союза Говорова продиктовал условия капитуляции представителю командования Курляндской группы армий генерал-майору Раузер.

Немцы обязывались в 23.00 8 мая 1945 года по средне-европейскому времени прекратить все боевые действия на земле, воздухе и на море. Вся техника в определенные сроки должна быть сдана представителям Советского командования, а войска выведены в лагерь для военно-пленных.

Уже во второй половине дня, 8 мая наши бойцы над немецкими траншеями увидели трепетавшие белые тряпки.

Вслед за белыми флагами из траншей стали подниматься немцы. Впереди с белым флагом над головой шла небольшая группа во главе с двумя офицерами. Лица у них были хмурые, покорные. Один из этой группы немецкий ефрейтор на ломаном русском языке сказал, что представители немецкого командования полковник и майор просят вызвать кого-нибудь из советских офицеров для сообщения им о том, что немецкие войска капитулируют и им нужно получить указания куда прибыть немецкому генералу для сдачи своих войск.

Немцы стояли смирно. Они смотрели на наших бойцов заискивающими глазами и иногда подобострастно улыбались. Эта улыбка была похожа на ту, которой улыбается вор ранее славившийся неуловимостью, безнаказанностью, а потом пойманный.

Наши бойцы знали подлые привычки немецких разбойников. На войне случалось, когда немцам приходилось туго, они поднимали руки, а потом стреляли нам в спину. У нас были основания не доверять белым немецким тряпкам. Поэтому в первые минуты начавшейся капитуляции бойцы вели себя осторожно и не отходили от орудий и пулеметов. Но когда увидели, что «завоеватели мира» нарочито и громко, на самых видных местах складывали оружие, чтобы наши солдаты и офицеры лучше видели и слышали и, когда весь немецкий передний край трепетал белыми флажками, все решили, значит немцы всерьез сдаются, значит выхода у них больше нет. Белый флаг — их последнее оружие. Вот она долгожданная Победа. Слово-то какое, легкое, звучное и такое простое и понятное.

Это слово мы услышали из уст Вячеслава Михайловича Молотова, когда война прошла только первые метры по нашей земле. Обращаясь по радио к советским людям 22 июня 1941 года он взволнованно говорил: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

И вера в победу никогда не угасала в наших сердцах, вела нас вперед. И вот теперь мы видели реальное ощущение нашей великой Победы.

Среди войск началось небывалое торжество и ликование. Люди бросались друг к другу — обнимались, целовались и поздравляли с Победой. Каждый советский человек, где бы он в этот день ни находился, был ли он в Берлине, и стоял в карауле у инженерного училища в Карлхорсте, где подписывался смертный приговор гитлеровской Германии, или плавил сталь в далеком Кузнецке — день восьмого мая запомнит на всю жизнь.

Мы встретили этот день в Салдусе — одном из небольших городов на Курляндском полуострове. Город на нас смотрел черными глазами выбитых окон, проломанных стен и развороченных крыш. По улицам, как огромная змея, извивался темнозеленый поток капитулировавших немецких частей и соединений. Они направлялись к нам в тыл, в лагеря для военнопленных. Вот он позорный конец «непобедимой немецкой армии». Темнозеленые колонны идут долго, у многих из них на самом видном месте белая тряпка — знак того, что у этой собаки вырваны зубы и она теперь не кусается.

Но белыми тряпками им не скрыть своей разбойничьей биографии. О ней напоминают другие знаки, которые были в моде у гитлеровцев. Вот идет долговязый рыжий прусак. У него на рукаве прицеплена металлическая пластинка с выпуклыми буквами: «Демьянск». Почему ему пожалован этот знак?

В январе 1942 года 16 немецкая армия, части которой теперь шли по Салдусу, была окружена в районе Демьянска. Это был первый «котел» устроенный немцам Советской Армией. Два месяца 16 армия находилась в полном окружении. Затем ей удалось проделать узкий трех-

километровый проход, связывающий немцев с внешним миром. Враг не хотел терять очень важного Демянского плацдарма и делал отчаянные попытки расширить коридор. Но этого ему не удалось. Почти год сидели немцы в Демянском «котле». На долгие поколения запомнится жителям этих мест год кошмарного гитлеровского разбоя. Несколько районов было превращено в пустыню, а советские люди либо были расстреляны, либо умерли мучительной голодной смертью.

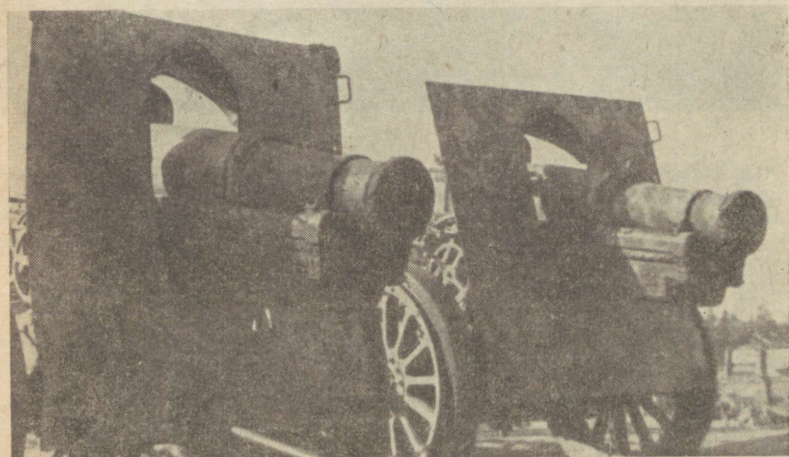
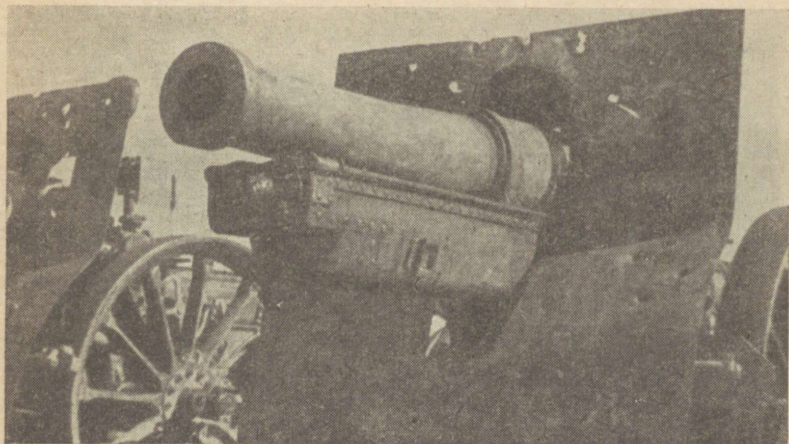
И вот идут они эти грабители и палачи Демянска, Новгорода, Пскова, душители Ленинграда. В отдалении ковыляет, опираясь на костыль обросший, как дикобраз, немец с черной повязкой «Курляндия». Такую повязку Гитлер приказал нацепить перезимовавшему воинству в Курляндском «котле». Жалкий пигмей не понимал, что это знак его бездарной стратегии, стратегии ефрейтора, возмнившего себя Наполеоном.

Битые немцы в районе Старой Руссы и Демянска, разгромленные под Ленинградом, Таллином и Ригой и принужденные сложить оружие в Курляндии, шагали по городу, сверкая металлическими бляхами, повязанные серыми, черными, белыми тряпками и прочими знаками своего позорного конца.

Наступил первый мирный тихий вечер 8 мая. По всему фронту высоко в небо взвились тысячи разноцветных ракет и трассирующих пуль. Это бойцы салютовали Победе, Родине, великому Сталину. А когда поздно ночью наши радиостанции передали акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил, ликования не было границ. Несмотря на поздний час все солдаты и офицеры были на ногах. В радостном порыве люди выбегали из землянок, обнимались, поздравляли друг друга. По лесам, где располагались части, раздавался многоголосый гул, неслись радостные восклицания:

— Победа, товарищи, Победа!

В день всенародного торжества 9 мая товарищ Сталин в своем обращении к народу сказал: «Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости

Немцы ограбили всю Европу. Они воевали с нами не только своей, но и награбленной техникой.

На снимках: Вверху — 155-мм французская тяжелая полевая гаубица образца 1917 г. Внизу — 220-мм французские мортиры образца 1916 г.

Эти аккуратно расставленные автомашины могут напомнить международные на всех автозаводах мира. В Курляндии у немцев не было чисто немецкими, «Виллардами», французские «Рено», «Пэжо», австрийские «Хорьки», а также по указанию командования одного нашего соединения кап-

нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром, увенчались полной победой над врагом».

Советские войска торжествовали победу девятого мая так же как и восьмого. Майское небо озарялось зарницами разноцветных ракет, гремела радостная канонада из всех калибров орудий в честь нашей победы.

За 9 мая оперативная сводка Советского Информбюро

ую выставку автопромышленности. Здесь можно найти машины, изготовленные немецкого автопарка. Здесь можно было найти рядом с немецкими «Опелами» и «Даймлерами» и машины десятка других фирм. На эту просторную площадку немцы привели 2.037 разнотипных машин.

сообщила: «Между Тукумсом и Либавой Курляндская группа немецких войск в составе 16 и 18 немецких армий, под командованием генерала от инфантерии Гильперта с 23 часов 8 мая прекратила сопротивление и начала передавать личный состав и боевую технику войскам Ленинградского фронта. Войска фронта заняли города: Либаву, Лепая, Павилосту, Айзпуте, Скрунда, Салдус, Сабиле, Кандава, Тукумс. К вечеру 9 мая войскам фронта сдались в плен более 45 000 немецких солдат и офицеров».

Прием пленных и боевой техники продолжался. На сборные пункты бесконечными вереницами шли пленные немцы, на трофейные пункты стягивалось немецкое вооружение и другая техника. Уже были собраны десятки тысяч орудий различных систем, винтовок, карабинов, автоматов, пулеметов. Было учтено сотни складов с боеприпасами, продовольствием и аммуницией.

На одном из сборных пунктов были сосредоточены десятки машин с телеграфно-телефонной и радиоаппаратурой. Это оборудование принадлежало узлу связи ставки Курляндской группы армий, а также узлам связи 16 и 18 армий. Огромные вагоны-грузовики построены тремя группами. В первой группе десятки штабных радиостанций и подсобное радиоимущество, в другой телеграфно-телефонные установки, в третьей — кабельное хозяйство. в Салдусе, Тукумсе, Либаве — всюду на сборных пунктах можно было видеть тысячи немецких автомашин, самую разнокалиберную артиллерию, танки и самоходные установки.

За 13 мая оперативная сводка Советского Информбюро сообщало:

В течение 13 мая войска Ленинградского фронта продолжали прием капитулировавших соединений и частей Курляндской группы немецких войск. С 9 по 13 мая сдалось в плен 181.032 солдата и унтер-офицера, 8.938 офицеров и 42 генерала. В числе пленных генералов, кроме ранее объявленных, начальник инженерных войск Курляндской группы генерал-лейтенант Медем, начальник связи Курляндской группы армий, генерал-майор Негенданг, начальник штаба 16 армии генерал-майор Герсдорф, начальник штаба 18 армии генерал-майор Мерк, начальник артиллерии 16 армии генерал-майор Баурмейстер, начальник штаба артиллерии 18 армии генерал-лейтенант Фишер, комендант Курляндского у. р. генерал-лейтенант Ван-Гинкель, начальник береговой обороны города Либава адмирал Эрнсвальд, командир 1-го воздушного флота генерал-лейтенант Глюкбай, комендант береговой обороны генерал-майор Вертер, комендант укрепленного района города Сабиле генерал-

В полдень 8 мая в окрестностях города Салдуса боец трофейной команды Давшатчин увидел, как один немецкий майор шел к нему навстречу, держа в руках белую тряпку. Это был командир бригады штурмовых орудий. Он сдался гвардейцам сам и сдал свою бригаду, всю ее технику.

На снимке — самоходная установка 150-мм «2-СС» на шасси III—IV. Применялось немцами, как кочующее орудие для ведения огня с закрытых позиций.

майор Рупрехт, начальник связи 1-го воздушного флота генерал-лейтенант Заттлер, главный ветеринар 16 армии генерал ветеринарной службы Бетке, генерал-майор Павел. За это же время приняты и учтены следующие трофеи: самолетов — 136, танков и самоходных орудий — 325, полевых орудий — 1.548, минометов — 557, пулеметов — 4.363, винтовок и автоматов — 57.646, автомашин — 5.825, тракторов и тягачей — 240, бронетранспортеров — 224, радиостанций — 310, подвод с военными грузами — 3.442, лошадей — 16.543.

Все эти части и соединения капитулировали перед нашими войсками, а всего сдалось нам в плен более 250 000 солдат и офицеров противника. Войска Ленин-

градского фронта полностью заняли Курляндский полуостров, выйдя на побережье Рижского залива и Балтийского моря.

Так был сокрушен «балтийский бастион» немцев. Так пала Курляндская группа немецких войск, закончив подвигами белого флага свою бесславную историю.

*

Отгремели бои в Прибалтике. Вековечный враг прибалтийских народов — гитлеровская Германия разгромлена и поставлена на колени. Отныне на берегах Балтийского моря от Таллина до Калининграда реют победные красные стяги. События героической борьбы с немецкими захватчиками дают богатый материал для некоторых выводов.

Весь исторический опыт прошлого показывает, что Прибалтика всегда привлекала алчные взоры крупных империалистических хищников. Здесь они видели не только важнейший экономический район и крупный рынок сбыта, но в первую очередь важнейший плацдарм для наступления в глубь России. Особенно большие аппетиты вызывали острова Моондзундского архипелага, имеющего огромное стратегическое значение на Балтийском море. Вспомним только несколько исторических фактов. Осенью 1917 года военно-морской флот кайзеровской Германии вел жестокую борьбу за обладание этим архипелагом. Сюда Вильгельмом II было направлено около 300 военных кораблей. Под прикрытием их был высажен десант около 60 000 человек. Русские моряки и солдаты стойко сражались с немцами, но силы были неравны, немцам удалось овладеть архипелагом и оккупировать всю Прибалтику.

В 1919 году империалистическим блоком 14 государств, возглавляемым Англией, Францией и Америкой, Прибалтика снова была использована как плацдарм для нападения на молодую советскую республику. Здесь, в Эстонии, формировались белогвардейские отряды генерала Юденича. Отсюда он дважды предпринимал свои походы

против Красного Петрограда. Но ставка империалистов Антанты была бита, Юденич был разгромлен.

Во вторую мировую войну немцы, начав свой поход против Советского Союза, бросили на Прибалтийские советские республики свои две отборнейшие армии и держали здесь плацдарм вплоть до своего полного разгрома.

Советский народ и его Вооруженные силы разбили навсегда — мечту немцев владеть Прибалтикой. В результате победы над врагом, к СССР присоединен город Кенигсберг и границы Советского государства перенесены на побережье Данцигской бухты. Все это служит интересам безопасности Прибалтийских республик и всего Советского Союза.

Борьба за освобождение Прибалтики была упорной. Она потребовала больших жертв. Лучшие люди Советской Армии и Военно-Морского Флота пали на полях сражений, чтобы завоевать счастливую и свободную жизнь трудящимся Эстонии, Латвии и Литвы. Повторим еще раз волнующие, проникновенные слова товарища Сталина: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

Священная память о павших героях обязывает нас ко многому. Кто живет на берегах Балтийского моря, более чем кто-либо другой должен постоянно находиться в боевой готовности. Все помыслы трудящихся Эстонии, Латвии и Литвы должны быть направлены к одной цели — сделать свои республики неприступными твердынями на Балтийском море.

В боях за освобождение Прибалтики плечо к плечу вместе с русскими, украинцами, белоруссами и другими народами сражались эстонцы, латыши, литовцы. Эстонский корпус прошел славный путь от Великих Лук до Курляндии. С ним рядом сражался с врагом Латышский национальный корпус. Это символизирует нерушимую дружбу народов Прибалтики со всеми народами Советского Союза, которые под руководством большевистской партии и великого Сталина идут к сияющим вершинам коммунизма.

Обложка художника В. Тоотс

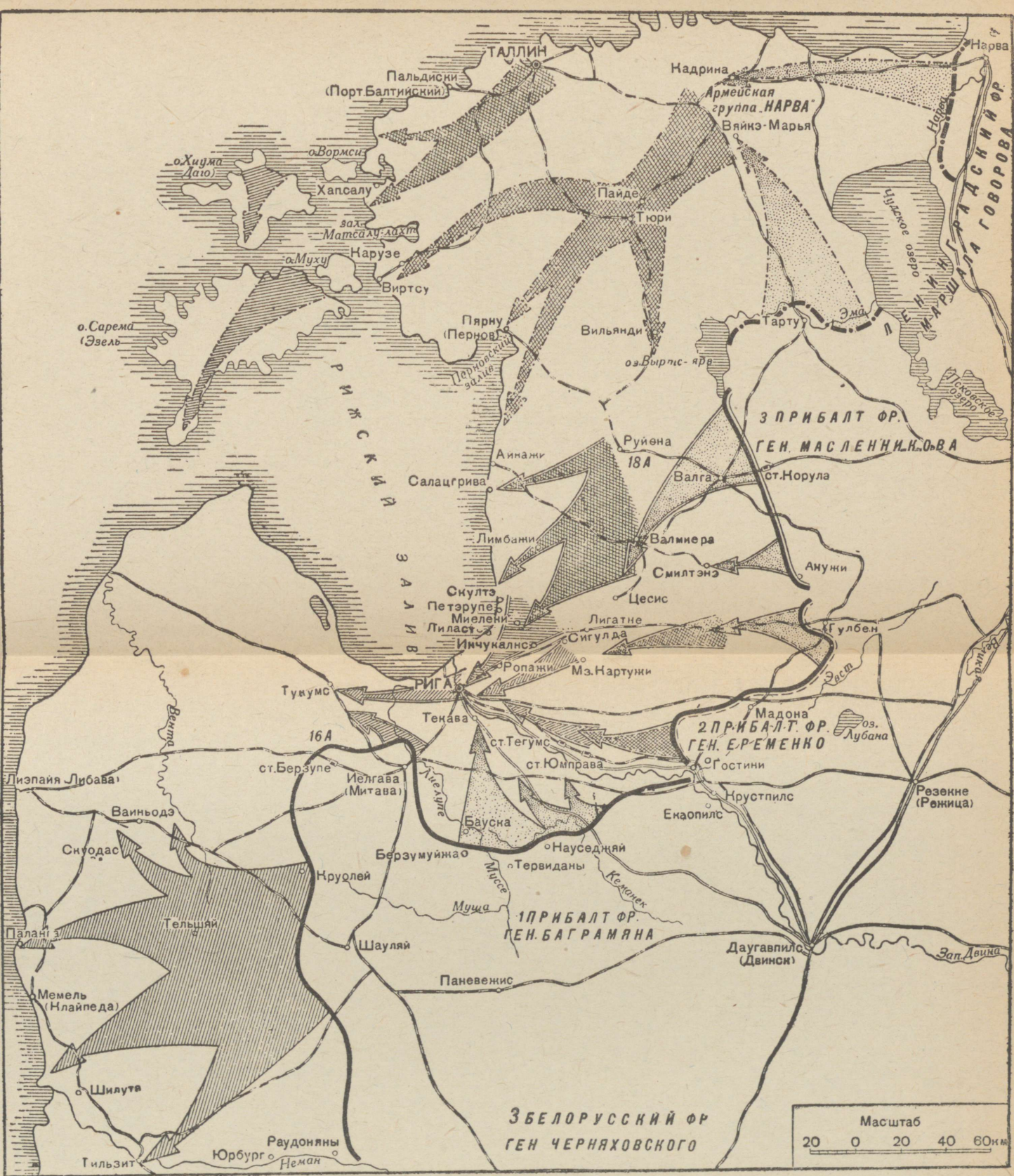
Ответственный редактор А. Севостьянов

Техн. редактор Э. Ридала

Отв. корректор Л. Потехина

Сдано в набор 15-XI 1947. Подписано к печати 23 I 1948 г. Формат бумаги 56 x 79 см 1/16.
Тираж 3500. 33696 зи. в печ. л. 4,75 (+ 1 л.) печ. л. Учетн. л. 3,17. МВ-02378. Заказ 3633.

Типография „Коммунист“, Таллин, ул. Пикк № 2

Разгром немцев в Прибалтике в сентябре-октябре 1944 г.
(Восьмой удар).

Руб. 3.50

XIII

A-4024